

Нѣсколько мыслей по вопросу о военной доктринѣ.

I.

„Великіе вопросы вѣка разрѣшаются не рѣчами и не рѣшеніями большинства въ парламентѣ, а желѣзомъ и кровью“.

Истина эта, высказанная свыше пятидесяти лѣтъ тому назадъ гениальнымъ Бисмаркомъ, теперь справедлива больше, чѣмъ когда нибудь.

А разъ это такъ, то въ будущемъ для тѣхъ народовъ и государствъ, которые не желаютъ отстранять себя отъ рѣшенія великихъ вопросовъ вѣка и которые прежде всего будутъ вслѣдствіе этого стремиться къ разрѣшенію своихъ историческихъ задачъ въ области культуры, какъ матеріальной, такъ и духовной, предстоятъ обширныя и многочисленныя войны.

Достиженіе желательныхъ результатовъ въ этихъ войнахъ, т. е. побѣды надъ противникомъ въ цѣляхъ подчинить его своей волѣ, будетъ возможно для тѣхъ государствъ, которые будутъ всемерно подготовлены въ боевомъ отношеніи въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Однимъ изъ средствъ такой подготовки къ воинѣ является использование боевого опыта прошлаго и въ особенности опыта позднѣйшаго.

Это послѣднее потому, что несомнѣнно ближайшая будущая война будетъ происходить въ условіяхъ наиболее подобныхъ послѣдней воинѣ. Впрочемъ, какъ бы условія ближайшей будущей войны не были бы близки къ условіямъ наиболее позднѣйшей изъ уже бывшихъ воинъ, но все же эти условія далеко не будутъ такими же.

Однако, позднѣйшая война содержитъ указанія на то, въ какомъ направленіи могутъ, а потому и должны измѣняться ея условія, чтобы создалась обстановка наиболее благоприятная для одержанія побѣды; другими словами, позднѣйшая война даетъ отправныя точки для развитія военнаго дѣла въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и тотъ путь, по которому должна идти подготовка къ воинѣ тѣхъ народовъ, у которыхъ есть стремленіе бороться за свои жизненные интересы, добиваться разрѣшенія своихъ историческихъ задачъ, у которыхъ есть воля къ побѣдѣ.

Въ этомъ смыслѣ, очевидно, является необходимымъ, использовать и опытъ послѣдней великой міровой войны 1914—1918 гг.

Однако, исторія указываетъ, что въ отношеніи использованія опыта прошлыхъ войнъ необходима осторожность. При этомъ осторожность должна быть проявлена не во времени использованія боевого опыта — съ этой точки зрѣнія всякое промедленіе будетъ опозданіемъ, влекущимъ за собой отсталость, что можетъ имѣть роковыя послѣдствія а въ способъ использованія.

Воспользоваться разумно опытомъ войны можно, установивъ точно факты и сдѣлавъ изъ нихъ правильные выводы.

Но факты передаются, излагаются часто не вѣрно или въ силу незнанія ихъ, или подъ влияніемъ субъективныхъ впечатлѣній или искажаются умышленно въ личныхъ интересахъ. И нужно сказать, что эти искаженія фактовъ при ихъ передачѣ возможны въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ изложеніе фактовъ производится по времени ближе къ ихъ совершенію.

Это происходитъ потому, что во 1-хъ, въ это время официальные документы еще невѣстны, такъ какъ ихъ опубликовываютъ значительно позже, а во 2-хъ, при этомъ играетъ большую роль авторитетъ участника событій, которому по свойству человеческой природы, любящей покритиковать власть и склонной скептически отнестись къ ея заявленіямъ, больше довѣряютъ, нежели официальнымъ, подлиннымъ документамъ.

Выводы весьма часто дѣлаются на основаніи частныхъ случаевъ и при томъ, не обращая вниманія на особенности условий, въ которыхъ происходили эти случаи.

Съ этой точки зрѣнія даже выводы изъ опыта какого-либо одного района театра войны или даже цѣлаго „фронта“ не могутъ быть признаны справедливыми для выработки новыхъ общихъ способовъ дѣйствій.

Наконецъ, необходима еще особая осторожность по отношенію опыта побѣдителя и побѣжденнаго. Далекое не всегда опытъ побѣдителя ведетъ къ правильнымъ выводамъ и не всегда выводы побѣдителя справедливы; съ другой стороны не всегда опытъ побѣжденнаго даетъ матеріалъ только для отрицательныхъ выводовъ и очень часто выводы побѣжденнаго являются правильными.

По поводу использованія боевого опыта исторія, эта лучшая наша наставница въ военномъ искусствѣ, даетъ намъ не мало предостереженій.

Мы въ свое время вовсе не воспользовались опытомъ нашей войны съ турками въ 1877 году и англо-бурской войны 1899-1901 г. и въ результатъ — печальной памяти наша война съ Японіей въ 1904-1905 г. съ полнымъ незнакомствомъ нашимъ съ послѣдними достижениями въ военномъ искусствѣ.

Заемствованія у Густава Адольфа привели въ Европѣ къ пяти-переходной системѣ, столь стѣснявшей творчество полководца, и подраженіе Фридриху Великому привело западно-европейскія арміи къ кордонной стратегіи и позиціонной тактикѣ, противорѣчающимъ истинной природѣ войны.

Было бы печально для военнаго искусства, если бы народы въ

дѣль использованія боевого опыта не слѣдовали примѣру Наполеона, оказавшагося, однако, въ концѣ концовъ побѣжденнымъ. Напротивъ того, было бы очень печально съ точки зрѣнія правильного развитія военнаго искусства, если бы военные дѣятели второй половины XIX ст. въ подготовкѣ соответствующихъ армій основывались бы на боевомъ опытѣ нашей арміи, которая провела въ періодъ второй четверти того же столѣтія четыре побѣдоносныхъ войны и на основаніи побѣдъ, которой у насъ была создана военная система, въ корнѣхъ противорѣчащая основнымъ требованіямъ военнаго искусства.

Нельзя не вспомнить также по этому поводу, сѣверо-американской войны 1861—1865 гг., изъ опыта которой были сдѣланы ошибочные выводы относительно конницы, почти совершенно хорошишіе ее и относительно преимуществъ, а потому и выгодности обороны.

Несомнѣнно, также, что большую ошибку сдѣлаютъ тѣ, кто въ своей подготовкѣ къ войнѣ, разумѣя эту подготовку въ самомъ широкомъ смыслѣ, будутъ въ общемъ слѣло слѣдовать за нынѣшними побѣдителями-французами; кто въ частности, напримѣръ, въ вопросахъ организациі и боевой подготовкы своей конницы будутъ придерживаться французскихъ выводовъ на этотъ счетъ и пренебрегутъ опытомъ нѣмецкой и нашей конницы и пройдутъ мимо тѣхъ выводовъ, которые сдѣланы изъ этого опыта нѣмецкими и русскими военными изслѣдователями.

Такъ или иначе, но опытъ послѣдней войны 1914—1918 гг. долженъ быть изученъ возможно скорѣе и всецѣло использованъ для подготовкы къ будущей войнѣ.

Чтобы рациональнѣе разобратся въ опытѣ великой мировой войны 1914—1918 гг., прежде всего необходимо отмѣтить тѣ наиболѣе крупныя особенности этой войны, которыя отличаютъ ее отъ другихъ войнъ, прежде бывшихъ и которыя станутъ уже болѣе или менѣе обычными явленіями въ послѣдующихъ войнахъ, не исключая и ближайшей будущей.

Такими главнѣйшими особенностями войны 1914—1918 гг. являются:

- а) громадныя арміи, выставленныя воюющими сторонами,
- б) большое разнообразіе техническихъ средствъ, употребляемыхъ въ большомъ количествѣ и
- в) развитіе въ громадныхъ размѣрахъ и въ теченіе очень продолжительнаго времени позиціонной войны.

Всѣ эти особенности проявились на всѣхъ фронтахъ; и на французско-бельгійскомъ, и на русскомъ, и на итальянскомъ и на Салоникскомъ. Но съ особенной рельефностью эти особенности явились на французско-бельгійскомъ фронтѣ.

Здѣсь каждая изъ сторонъ уже съ первыхъ дней войны на относительно небольшомъ по размѣрамъ театрѣ военныхъ дѣйствій выставила по 1½ мил. бойцовъ; здѣсь дѣйствовали арміи наиболѣе культурныхъ народовъ и наиболѣе промышленно развитыхъ государствъ, въ которыхъ техника стояла очень высоко еще до войны и которыя

вслѣдствіе этого могли дать много военно-техническихъ новинокъ въ продолженіи войны; здѣсь позиціонная война, по тѣмъ или инымъ причинамъ, началась уже 15 ноября 1914 г. и продолжалась до конца войны, другими словами, здѣсь на французско-бельгійскомъ фронтѣ изъ общаго числа 51 мѣсяца войны — полевая, маневренная война продолжалась $3\frac{1}{2}$ мѣсяца, а позиціонная $47\frac{1}{2}$ мѣс. или вторая дольше первой въ 16 разъ.

Но эти особенности послѣдней войны, преимущественно выразившіяся на одномъ изъ „фронтовъ“, заставляютъ быть крайне осторожнымъ при выводахъ изъ дѣйствій именно на французско-бельгійскомъ театрѣ. И это тѣмъ болѣе, что позиціонная война, столь долго продолжавшаяся, слѣдовала за маневренной, условія которой были скоро какъ бы забыты за давностью и за силой послѣдняго и длительного впечатлѣнія и что развитіе техническихъ средствъ и широкое примѣненіе ихъ имѣло мѣсто въ позиціонной войнѣ, т. е. эти средства въ широкой мѣрѣ не были испробованы въ полевой (маневренной) войнѣ и объ использованіи ихъ въ этой войнѣ въ будущемъ судять только примѣнительно, только теоретически.

Въ виду этого при выводахъ изъ опыта войны на французско-бельгійскомъ театрѣ легко впасть въ односторонность, столь вредную въ военномъ дѣлѣ, въ военномъ искусствѣ.

II.

Изученіе всякаго боевого опыта должно производиться съ двухъ сторонъ:

а) съ точки зрѣнія принципиальной части военного искусства, его идейной стороны и б) съ точки зрѣнія исполненія, воплощенія въ жизнь принциповъ военного искусства, ихъ примѣненія на практикѣ при помощи всѣхъ средствъ, годныхъ для этого въ каждое данное время.

Значеніе принциповъ военного искусства огромно: основываясь на законахъ, вытекающихъ изъ природы челоука и войны и изъ взаимоотношеній различныхъ явленій, находящихся между собою въ причинной связи, они въ свою очередь выявляютъ намъ и даютъ намъ возможность знакомиться съ природой какъ войны вообще, такъ и всевозможныхъ частныхъ ея явленій.

Эти принципы вслѣдствіе этого являются исходными и въ то же время опорными точками, вѣхами, которыхъ нужно держаться, чтобы въ военномъ искусствѣ, въ этомъ труднѣйшемъ изъ всѣхъ искусствъ, не было бы, такъ сказать, „усмотрѣнія“, произвола каждаго. Эти принципы необходимы, чтобы руководствоваться ими, не дѣйствовать наперекоръ природѣ войны и чтобы, слѣдуя велѣніямъ этой природы, не попасть въ затруднительное положеніе.

Пренебреженіе принципами военного искусства на войнѣ всегда наказывается лишеніемъ побѣды, вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ громадное напряженіе и большія жертвы со стороны войскъ.

Еще Наполеонъ сказалъ, что „Военное искусство это искусство, основанное на принципахъ, которые нельзя безнаказанно иг-

рушать*. Уже по самому существу вещей принципиальная часть военного искусства, его принципы — есть часть постоянная, неизмѣняющаяся, въ основахъ своихъ несовершенствуемая.

Эта неизмѣняемость принциповъ свидѣлствуется между прочимъ чрезвычайно наглядно слѣдующимъ: великій нашъ полководецъ Суворовъ сущности военного искусства, его принципы выразилъ тремя словами: глазомѣръ, быстрота, натискъ.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Суворова Клаузевицъ принципы военного искусства выразилъ слѣдующимъ образомъ:

„Современная война выясняется изъ идей Наполеона, который первый осѣтилъ важность подготовки и все могущество массы, увеличенной стремительностью, чтобы разбить въ сраженіи, къ которому нужно стремиться съ самаго начала войны, моральныя и матеріальныя силы противника“.

Маршалъ Фошъ, насколько извѣстно, совершенно не знающій Суворова, въ своемъ трудѣ „Принципы войны“, изданномъ въ 1911 году, выставляетъ слѣдующіе принципы военного искусства: подготовка, масса, стремительность.

Это въ сущности принципы Наполеона, формулированные Клаузевицемъ и еще раньше высказанные Суворовымъ, въ опредѣленіи котораго слова „глазомѣръ“ и „натискъ“ замѣнены равнозначущими по идее словами „подготовка“ и „масса“.

Формула Суворова — Наполеона — Фошъ не только въ полномъ мѣрѣ выражаетъ сущность военного искусства, но высказанная впервые болѣе ста лѣтъ тому назадъ и дословно повторенная нынѣ при совершенно иныхъ культурныхъ и социальныхъ условіяхъ, этимъ самымъ подтверждаетъ какъ существованіе принциповъ военного искусства, такъ и ихъ неизмѣняемость.

На изложенное, однако, какъ будто можно возразить, что такъ работала въ этой области военная мысль до послѣдней великой европейской войны 1914—1918 г.г. и что эта война въ указанномъ отношеніи якобы внесла существеннѣйшія измѣненія, опрокидывающія все, что въ этомъ направленіи выработало человѣчество.

Но тотъ же Фошъ — изъ лагеря побѣдителя, — переиздавая безъ всякихъ измѣненій въ 1918 году, т. е. послѣ мировой войны, названный трудъ „Принципы войны“, для поясненія, почему онъ это дѣлаетъ, въ предисловіи говоритъ: „основныя истины (т. е. принципы), которыя управляютъ военнымъ искусствомъ, остаются неизмѣнными“.

А генералъ Бергарди — изъ лагеря побѣжденных — въ своемъ послѣднемъ трудѣ „О войнѣ будущаго“, изданномъ въ 1920 г., говоритъ:

„Великіе основные законы войны будутъ одними и тѣми же во всѣхъ обстоятельствахъ, такъ какъ они заложены въ природѣ чело-вѣка и обусловлены существомъ примѣненія силы... Эти законы не могутъ быть нарушены безнаказанно“.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, и современное военное искусство въ идейной, принципиальной своей части основывается на тѣхъ же

законахъ, какъ и во всѣхъ прежнихъ времена, хотя по важности и сильно различается, что зависитъ отъ сложной по сравненію съ прежнимъ, сильно развитой технической частью военного дѣла.

Что касается исполнительнѣйшей части военного искусства, то, выливаясь въ тѣхъ или иныхъ формахъ, она не можетъ быть постоянной неизмѣнной. Заключая въ себѣ способы и приемы использования всѣхъ средствъ, могущихъ служить для вооруженной борьбы на основахъ принциповъ военного искусства и завися отъ тѣхъ условій, въ которыхъ это пользование происходитъ, исполнительная часть военного искусства измѣняется съ измѣненіемъ этихъ условій.

Но въ настоящее время наиболее быстрому и рѣзкому измѣненію подвергаются такъ называемыя техническія средства войны, а потому они больше всего и влияют на измѣненіе исполнительнѣйшей части военного искусства, определяя способы и приемы самой борьбы. Отсюда, между прочимъ, происходитъ то, что при постоянствѣ, какъ бы не совершенствованіи, принципиальной стороны военного искусства и при постоянномъ измѣненіи, усовершенствованіи, техническихъ средствъ эти послѣднія приобретаютъ все большее и большее значеніе, а принципиальная часть какъ бы теряетъ свое значеніе, умаляется въ своемъ влияніи, чего въ действительности, конечно, быть не можетъ.

Однако, было бы ошибочно считать, что и принципиальная, идеальная сторона военного искусства остается вполне неподвижной, какъ бы застывшей. Но подвижность ея заключается лишь въ болѣе сложныхъ съ теченіемъ времени комбинаціяхъ въ этой области однихъ и тѣхъ же идей и эта сложность комбинацій увеличивается въ прямой зависимости отъ развитія техники: чѣмъ техника богаче, разнообразнѣе, тѣмъ и комбинаціи въ области принциповъ сложнѣе, а проведеніе ихъ въ жизнь труднѣе.

Въ этомъ, въ сущности говоря, первое и самое важное значеніе развитія и усовершенствованія техническихъ средствъ.

Отсюда же вытекаетъ то положеніе, что какъ бы не совершенствовалась техника она никогда не будетъ играть первой роли — такая роль всегда останется, какъ бы повидимости ни казалось иначе, за идеями, принципами, законами, за комбинаціями ихъ при примѣненіи ихъ на практикѣ.

Отсюда можно сдѣлать и другой выводъ: какъ бы техника не совершенствовалась и какъ бы послѣдствіе этого военное искусство не демократизировалось, все болѣе поднимая значеніе низшихъ по отводимой имъ роли живыхъ элементовъ арміи, исключительно до каждаго отдѣльнаго солдата-воина, значеніе работы высшихъ живыхъ элементовъ — команднаго состава, начиная съ младшихъ офицеровъ и до главнокомандующаго всеми вооруженными силами государства, не только не уменьшается, а напротивъ того увеличивается, и чѣмъ выше лицо въ командной іерархіи, тѣмъ значеніе его работы больше, и это потому, что тѣмъ болѣе въ его работѣ играютъ роль идеи, принципы, законы.

Съ этой точки зрѣнія совершенно неправильно утверждать,

какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что роль высшего команднаго состава теперь уменьшилась и что отъ него теперь не требуется творческой работы, такъ какъ военное искусство демократизировалось.

Эта демократизация дѣйствительно подняла значеніе младшихъ начальствующихъ лицъ, но съ другой стороны теперь больше, чѣмъ когда нибудь справедливы слова Наполеона, который говорилъ, что на войнѣ больше значитъ человекъ, нежели люди*.

III.

Такъ какъ принципы военного искусства вытекаютъ изъ природы вещей, то несомнѣнно, они для всѣхъ одинаковы; съ другой стороны при современномъ постоянномъ и тѣсномъ культурномъ общеніи всѣхъ народовъ между собой и техническія средства вооруженной борьбы въ общемъ у всѣхъ одинаковы и рѣдкія исключенія бывають лишь временными. При такихъ условіяхъ, казалось бы, что способы и методы веденія войны, практическіе приемы военного искусства тоже должны быть однообразны.

Однако, въ дѣйствительности этого нѣтъ и мы видимъ, что каждый народъ, каждая армія имѣютъ свой методъ веденія войны, регулированный и направляемый опредѣленнымъ ученіемъ о войнѣ.

Такое ученіе о войнѣ или, какъ говорятъ, военная боевая доктрина, представляетъ собою совокупность теоретическихъ ученій и практическихъ положеній, правилъ дѣйствій, касающихся организаци вооруженныхъ силъ государства, ихъ боевой подготовки, дѣятельности ихъ на войнѣ и вообще характера и способовъ веденія послѣдней, обуславливаемыхъ, какъ современнѣе состояніемъ военного дѣла, такъ и задачами государственной политики въ широкомъ смыслѣ слова.

Передъ послѣдней великой мировой войной 1914—1918 гг. были какъ бы двѣ самостоятельныя доктрины: французская и нѣмецкая. Остальныя арміи, въ этомъ отношеніи подчиняясь духовно или французской или нѣмецкой военной мысли, матеріально строили свои доктрины, подражая французамъ или нѣмцамъ. При этомъ онѣ принимали всецѣло не только основы ихъ доктринъ, но и въ значительной мѣрѣ подробности послѣднихъ и въ идеальномъ и въ исполнительномъ отношеніи, внося иногда въ частности лишь нѣкоторыя измѣненія въ зависимости отъ мѣстной обстановки.

Нѣсколько въ иномъ положеніи въ этомъ отношеніи находилась русская армія.

Основой французской доктрины являлось положеніе: дѣйствовать подобно съ намѣреніями и планами противника.

Вслѣдствіе этого французская доктрина прежде всего требовала: прикрывшись со стороны противника, возможно полнѣе развѣдать о немъ, разгадать его намѣренія, проникнуть въ его планы и въ полномъ соответствіи съ результатами этой развѣдки и этого изученія принять то или иное рѣшеніе.

Такимъ образомъ, французская военная доктрина отличалась вообще осторожностью, умѣренной активностью и не стремилась во

что бы то ни стало сохранить инициативу въ своихъ рукахъ, равнодушно относясь къ возможности захвата ея противникомъ. Поэтому французская военная доктрина имѣла, такъ сказать, смѣшанный, наступательнo-оборонительный характеръ и въ общемъ отличалась неопредѣленностью и блѣдностью.

Такіе основы французской доктрины приводили къ слѣдующему:

Въ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ французы давали широкое разнѣе и большую самостоятельность передовымъ частямъ, какъ на походѣ, такъ и въ бою, въ расчетъ — работой этихъ частей получить необходимыя свѣдѣнія о противникѣ, подѣ прикрытіемъ этихъ частей выиграть время для принятія рѣшенія и для группировки своихъ войскъ въ соответствии съ этимъ рѣшеніемъ.

Хотя французы наиболее желательнымъ способомъ дѣйствій признавали наступленіе, считая оборону неизбѣжнымъ зломъ, допустимымъ лишь при слабости силъ и невыгодной тактической обстановкѣ, но все же они не были проникнуты духомъ наступленія, они признавали выгоду его лишь теоретически, они считали его необходимымъ только потому, что такъ подсказывало имъ ихъ сознаніе, воспринявшее эту необходимость, какъ результатъ научнаго изслѣдованія; сердце французовъ оставалось какъ бы глухимъ и во всякомъ случаѣ равнодушнымъ къ идеѣ необходимости стремиться къ наступленію, но что бы то ни стало, и въ нихъ не было воли къ непремѣнному наступленію, они не чувствовали, что наступленіе есть такой видъ боевыхъ дѣйствій, къ которому неудержимо стремится дѣятельная духовная природа чловѣка.

Признавая огонь однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ современнаго боя и превѣсь въ о.нѣ надѣ противникомъ — однимъ изъ главныхъ условий боевого успѣха, французы этимъ вопросамъ придавали какъ бы абсолютное значеніе безъ учета другихъ боевыхъ факторовъ, могущихъ это значеніе колебать въ довольно значительныхъ предѣлахъ.

Вслѣдствіе этого, между прочимъ, французы придавали почти всегда одинаковое значеніе какъ дѣйствию своимъ огнемъ, такъ и прикрытію отъ непріятельскаго огня, а мертдко требованіе укрытія преобладало надѣ требованіемъ дѣйствія.

Въ общемъ, оперативный методъ французовъ отличался схематичностью, сложностью приѣмовъ и тактическими ухищреніями.

Основной нѣмецкой доктрины являлось положеніе: рѣшеніе должно быть принято внѣ зависимости отъ намѣреній и плановъ противника, оно принимается лишь въ силу проявленія своей собственной воли достигнуть боевого результата, въ данный моментъ по тѣмъ или другимъ причинамъ нами желаемаго.

Вслѣдствіе этого нѣмецкая боевая доктрина прежде всего требовала при всѣхъ положеніяхъ боевой обстановки навязать противнику свое рѣшеніе, свою волю, возможно скорѣе сойтись съ противникомъ и съ крайнею рѣшительностью осуществить свой маневръ, не считаясь съ намѣреніями и желаніями противника.

Такимъ образомъ, нѣмецкая военная доктрина отличалась смѣ-

люстью, рѣшительностью и даже самоуверенностью; она вся была проникнута неудержимымъ стремленіемъ подчинить себѣ волю врага и сохранить инициативу за собою во что бы то ни стало.

Поэтому нѣмецкая военная доктрина была крайне опредѣленной и именно ярко-наступательной.

Такія основы нѣмецкой военной доктрины приводили къ слѣдующему:

Въ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ нѣмцы не придавали передовымъ частямъ самостоятельнаго оперативнаго значенія и смотрѣли на нихъ лишь какъ на слабую завѣсу, за которой главныя силы выполняли заранее намѣченный маневръ и наносили свои, уже нацѣленный ударъ.

Нѣмцы наиболее желательнымъ способомъ дѣйствій признавали тоже наступленіе, но въ противоположность французамъ они всецѣло были проникнуты духомъ наступленія; стремленіе къ наступленію у нихъ было, такъ сказать, органическимъ, оно горѣло въ ихъ сердцахъ; нѣмцы были полны волей къ непремѣнному наступленію; наступленіе напрягало нервы нѣмцевъ въ одномъ направленіи — настичь врага и уничтожить его.

Нѣмцы также признавали огонь однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ современнаго боя и перешли въ огонь надъ противникомъ однимъ изъ главныхъ условій боевого успѣха, но нѣмцы эти вопросы понимали въ ограниченномъ, условномъ смыслѣ, учитывая другіе боевые факторы, выдвигая изъ ихъ среды на первое мѣсто духовную природу война; вслѣдствіе этого у нѣмцевъ черезъ весь уставъ и боевыя наставленія проходило требованіе при всякихъ условіяхъ боевой обстановки дѣйствіе ставить выше укрытія.

Нѣмецкая армія передъ войной лучше другихъ снабженная техническими усовершенствованіями въ то же время, однако, меньше другихъ склонна была предоставлять преимущественное значеніе матеріальной сторонѣ, она отдавала предпочтеніе духовнымъ издѣламъ, во всемъ безусловно подчиняя имъ принципы военнаго матеріализма; другими словами нѣмцы волю чловѣка ставили выше всѣхъ усовершенствованій техники, всего матеріальнаго могущества современныхъ средствъ разрушенія.

Въ общемъ характеръ боевыхъ дѣйствій нѣмцевъ отличался большой простотой и прямолинейностью, большой грубостью приемовъ. Схематически онъ заключался въ быстрое сосредоточеніе силъ, численно и технически превосходящихъ надъ противникомъ и затѣмъ въ рѣшительномъ наступленіи въ опаснѣйшемъ для неприятельской арміи направленіи. Такой характеръ боевыхъ дѣйствій нѣмцевъ предусматривалъ: упрежденіе противника въ наступленіи, захватъ въ свои руки инициативы, подчиненіе его воли своей воли.

Такимъ образомъ, какъ видно, военныя доктрины французовъ и нѣмцевъ были въ высшей степени различны и по духу и по подробностямъ въ способѣ дѣйствій^{*)}.

^{*)} Грофъ Новицкій. Великая мировая война 1914—1918 г. Боевыя дѣйствія въ Бельгіи и Франціи осенью 1914 г. стр. 53—56.

Вопросъ о военной доктринѣ передъ войной 1914—1918 гг. не былъ чуждъ также и русской военной мысли. Онъ ясно обнаружился уже послѣ неудачной для насъ войны съ Японіей, при чемъ въ поискахъ за причинами нашихъ тогдашнихъ сплошныхъ неудачъ, указывали, какъ на одну изъ главнѣйшихъ, отсутствіе у насъ военной доктрины. Съ другой стороны одни изъ главнѣйшихъ достоинствъ японской арміи считалось наличие у нея доктрины, которая, впрочемъ, признавалась не японской, а нѣмецкой. Тому обстоятельству, что японская армія имѣла доктрину, и при этомъ еще нѣмецкую, и приписывали, главнымъ образомъ, всѣ удачи и успѣхи японцевъ въ эту войну.

Какъ бы попутно съ такими утверждениями въ нашей военной литературѣ того времени, трактующей этотъ вопросъ, появлялись указанія на существованіе французской военной доктрины. О другихъ доктринахъ не упоминалось. Не выяснялось также, въ чемъ собственно состоитъ нѣмецкая доктрина, въ чемъ французская. Больше того, съ определенной точностью не было выяснено, что такое вообще доктрина, въ чемъ она должна заключаться, каково должно быть ея содержаніе, какъ она можетъ выразиться во внѣшности и какъ сдѣлать, чтобы она русской арміи принесла бы такую же пользу, какъ японской.

Не было также выяснено, должна ли бы быть создана для русской арміи своя собственная доктрина, или, подобно японцамъ, мы должны принять уже какую либо готовую, уже существующую доктрину.

Впрочемъ, по смѣслу заявленій большинства авторовъ, затрагивающихъ этотъ вопросъ, можно было вынести впечатлѣніе, что создавать русскую доктрину нѣтъ надобности, такъ какъ во 1-хъ, уже есть отличная нѣмецкая доктрина, а во 2-хъ, потому, что мы неспособны создать свою доктрину.

Эти утверждения базировались на мысли, что военное искусство, едино, что оно интернационально, что средства борьбы у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ теперь одинаковы. Отсюда не безъ логическаго скачка выводили, что мы должны принять нѣмецкую доктрину. То обстоятельство, что была еще французская доктрина, существованіе которой никто не отрицалъ, какъ бы игнорировалось.

Нѣкоторые изъ авторовъ, писавшіе по поводу доктрины, не отрицая ея необходимости и также отдавая преимущество нѣмецкой доктринѣ, на ряду съ ней говорили о единой военной школѣ, употребляя выраженія „доктрина“ и „единая школа“ какъ синонимы.

Были и противники какой бы то ни было военной доктрины; они утверждали, что всякая доктрина и во всѣхъ проявленіяхъ человеческого духа мертвитъ, приводитъ къ шаблону и рутинѣ, сковываетъ творчество и что это особенно относится къ военному дѣлу, военному искусству, гдѣ господствующую роль играетъ творческій талантъ полководца, котораго ничто не должно стѣснить и который долженъ только регулироваться знаніемъ.

Между сторонниками доктрины и ея противниками въ концѣ

концовъ разыгралась крупная и довольно горячая полемика. Высшіе идейные и фактическіе по своему служебному положенію руководители армій, признавъ, что такая полемика, да еще при неясности основныхъ положеній спора у самихъ полемизирующихъ, можетъ лишь внести смуту въ умы даже интеллигентной армейской массы, и, повидимому, склоняясь къ тому, что доктрина если и не вредна, то во всякомъ случаѣ и не полезна, указали прекратить не только полемику по этому поводу, но и вообще разсмотрѣніе вопроса о доктринѣ въ печати.

Тогдашнее состояніе въ Россіи печати вообще, а военной въ особенности, сдѣлало то, что вопросъ о доктринѣ былъ снятъ съ обсужденія. И на новую великую мировую войну, начавшуюся въ 1914 г., мы снова вышли безъ опредѣленной, систематически разработанной и всѣми усвоенной военной доктрины.

IV.

Уже упоминалось, что казалось бы, военная доктрина, какъ ученіе о войнѣ, исходя изъ основныхъ законовъ военного искусства и пользуясь одними и тѣми же средствами, должна была бы быть у всѣхъ одинакова.

Но изложенное указываетъ, что передъ войной 1914—1918 г. этого фактически не было и что были арміи, которая вела войну, можно сказать, совсѣмъ безъ доктрины.

Но разъ это такъ, то невольно являются вопросы:

- 1) какъ же отразилась та или иная доктрина или отсутствие ея на результатахъ боевыхъ дѣйствій, соответствующихъ армій и
- 2) при такихъ условіяхъ нужна ли вообще какая-нибудь военная доктрина, какъ единое ученіе о войнѣ.

Опытъ войны 1914—1918 г. показываетъ, что нѣмцы, когда слѣдовали въ боевыхъ дѣйствіяхъ своей приведенной выше доктринѣ, то имѣли успѣхъ и одерживали победы, но какъ только они нарушали эту доктрину, то ихъ постигала неудача.

Такъ было на Марнѣ, такъ было и во Фландріи въ октябрѣ и ноябрѣ 1914 г.

Эти двѣ частныя неудачи предопредѣляли ихъ общую неудачу на франко-бельгийскомъ фронтѣ.

Что касается французовъ, то опытъ послѣдней войны указываетъ, что слѣдованіе ими ихъ доктринѣ приводило ихъ въ подавляющемъ числѣ случаевъ къ неудачѣ.

Успѣхъ французовъ на Марнѣ явился слѣдствіемъ ихъ дѣйствій, если не вопреки исповѣдуемой ими доктринѣ, то во всякомъ случаѣ внѣ этой доктрины, какъ сознательно воспринятаго ученія.

И только лишь дѣйствія французовъ, начавшіяся 18 іюля 1918 г. (начало контръ-атаки противъ прорыва нѣмцевъ по обѣ стороны Реймса) дали успѣхъ при условіи слѣдованія ими своей доктринѣ.

Правда этотъ успѣхъ привелъ къ окончательной побѣдѣ французовъ, но при научной оцѣнкѣ его съ точки зрѣнія военного искусства нужно отмѣтить, что онъ зависѣлъ и отъ многихъ другихъ

данныхъ, крайне благоприятныхъ для союзниковъ и ранѣе не предусмотрѣнныхъ. Къ этимъ даннымъ относятся: вступленіе въ войну американцевъ, появленіе танковъ, сильное развитіе воздушнаго флота, моральное ухудшеніе нѣмецкихъ войскъ, распропагандированныхъ и русской революціей и искусной агитаціей въ тылу англійскими и французскими агитаторами, введеніе нѣмцами свыше, чѣмъ полумилліонной арміи на Украину въ цѣляхъ полученія продовольствія.

Во всякомъ случаѣ указанный практическій результатъ наступленія французовъ, начавшагося 18 июля, не можетъ служить лучшимъ обоснованіемъ той или иной доктрины. И это потому, что таковой результатъ, будучи слѣдствіемъ частнаго случая въ боевыхъ дѣйствіяхъ, является въ значительной степени случайнымъ и потому для этой цѣли недостаточнымъ ибо, доктрина должна обнимать всѣ возможные случаи.

Такимъ образомъ, между прочимъ съ наглядной ясностью выясняется, что нѣмецкая доктрина была болѣе цѣлесообразна, чѣмъ французская, это же зависѣло отъ того, что она болѣе отвѣчала истиннымъ принципамъ военнаго искусства и болѣе соответствовала сущности боевыхъ дѣйствій массовыми арміями, каковыми пришлось вести войну 1914—1918 гг.

Что касается нашей арміи то отсутствіе у насъ передъ войной 1914—1918 гг. доктрины привело къ тому, что наше боевое счастье было крайне неустойчиво. Среди, несомнѣнно, крупныхъ неудачъ были и не менѣе крупныя побѣды, которые не рѣдко ставили въ критическое положеніе нашего противника и очень часто выводили изъ такового нашихъ союзниковъ. Тѣмъ не менѣе, однако, нужно признать, что въ значительной степени мы вели войну кустарно, такъ сказать, по любительски, а не какъ профессионалы, знающие и любящіе свою профессію, и вслѣдствіе этого въ общемъ успѣхи наши были случайны, а неуспѣхи, неудачи естественны, логично вытекающія изъ общаго уровня малой военной просвѣщенности команднаго состава всѣхъ степеней, мало развитой у насъ военной культуры.

Наши генералы въ большинствѣ случаевъ за отсутствіемъ определенной систематически разработанной и обязательной для всѣхъ доктрины дѣйствовали, какъ бы по наитію, по одному вдохновенію. Это же вдохновеніе, не опираясь на основные принципы военнаго искусства, могло при благоприятныхъ обстоятельствахъ дать успѣхъ и побѣду, но нецѣлесообразно направленное за недостаткомъ прочной научной основы, оно въ большей части случаевъ приводило къ неудачѣ.

Историческая справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что если мы въ войнѣ 1914—1918 гг. въ силу указанныхъ причинъ и не могли въ полной мѣрѣ одержать побѣду, то безусловно въ значительной степени могли содѣйствовать общей побѣдѣ, давъ ее союзникамъ скорѣе и съ меньшими жертвами, какъ матеріальными, такъ и человеческими.

Не потому ли, между прочимъ, такъ торопилась наша интеллигенція, столь ненавидящая „царизмъ“, поднять революцію въ раз-

гартъ войны? Въдѣ удача Россіи въ мировой войнѣ неминуемо пришла бы къ упроченію „царизма“. Поведеніе интеллигенціи, радовавшейся нашимъ неудачамъ въ Восточную войну 1853—56 гг. и въ Японскую войну 1904—1905 гг., и поднявшей смуту, приведшую къ д.р.убіству 1-го марта 1881 г., послѣ удачной войны 1877—78 г.г., для чего она воспользовалась результатами Берлинскаго конгресса, почти уничтожившаго всѣ послѣдствія удачной для насъ войны съ Турціей, даютъ полнѣйшее основаніе такому утвержденію.

Такъ или иначе, но отсутствіе у насъ передъ послѣдней мировой войной единой военной доктрины повлекло за собою то, что во многихъ случаяхъ со стороны команднаго состава замѣчалось нарушеніе основныхъ принциповъ военнаго искусства и неумѣнье соответствующимъ образомъ въ условіяхъ современности использовать всѣ средства для веденія войны, среди которыхъ въ рукахъ высшаго командованія первымъ являлись массовыя арміи.

Остановиться на вопросѣ о нашей русской военной доктринѣ, хотя ея непосредственно передъ войной 1914—1918 гг. и не было, заставляетъ то, что во 1-хъ, этимъ доказывается вредъ отсутствія военной доктрины, а во 2-хъ, то, что это даетъ поводъ отмѣтить, что было время, когда и наша армія имѣла свою доктрину и притомъ такую, которая была ниболѣе коротка по формѣ, но ниболѣе полна по своему содержанію. Это было время Великаго Суворова.

Созданная имъ доктрина, которой была проникнута вся наша армія того времени, заключалась въ немногихъ словахъ: „Смѣлая нападательная тактика. Глазomъръ, быстрота и итискъ“.

Эта короткая формула заключала въ себѣ не только всю сущность военнаго искусства, но и указывала на тотъ духъ, которымъ должна быть проникнута армія, чтобы, слѣдуя доктринѣ, быть побѣдительницей.

И дѣйствительно, какъ извѣстно, наша армія времени Суворова въ многочисленныхъ войнахъ, веденныхъ ею, не знала пораженій.

Такимъ образомъ, опытъ войны 1914—1918 гг. показываетъ, что доктрина, какъ единая школа, какъ единое ученіе о войнѣ, необходима, необходима для того, прежде всего, чтобы война велась не случайно, не кустарно и чтобы вслѣдствіе этого она приводила къ ниболѣе рѣшительнымъ результатамъ въ ниболѣе короткій срокъ съ наименьшими усилиями и съ наименьшими жертвами, чтобы по безсмертному выраженію другого нашего великаго полководца Императора Петра I, побѣды доставались бы „съ легкимъ трудомъ и малой кровью“.

Въ этомъ отношеніи опытъ войны 1914—1918 гг. имѣетъ гнѣть большее значеніе, что онъ подтвердилъ лишь то, что ясно вытекало уже изъ опыта Русско-Японской войны 1904—1905 гг., какъ по отношенію насъ, въ эту войну не имѣвшихъ никакой военной доктрины, такъ и по отношенію японцевъ, руководствовавшихся въ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ нѣмецкой боевой доктриной, которую они не только осознали, но и почувствовали, въ результатъ чего у насъ

не было ни одной побѣды, а у японцевъ, при отсутствіи талантливыхъ и даровитыхъ генераловъ, постоянный успѣхъ.

Къ мысли о необходимости военной доктрины въ арміи приводять и слѣдующія соображенія, прекрасно выраженныя французскимъ генераломъ Цурлинденомъ: „необходимо, чтобы на всѣхъ ступеняхъ воинской іерархіи говорили однимъ языкомъ, были приучены оцѣнивать обстановку съ общей всѣмъ точки зрѣнія, придавали одинаковой степени важность извѣстнымъ требованіямъ и предписаніямъ. Однимъ словомъ необходима общность доктрины сверху до низу во всей арміи. Необходимо, чтобы высшія военныя знанія были распространены въ арміи въ изобилии“.

Къ этому необходимо, однако, добавить, что военная доктрина должна преслѣдовать не только общность языка, общность пониманія обстановки и взаимнаго пониманія лицъ команднаго состава всѣхъ степеней при различнаго рода сношеніяхъ между собой, но также и единство взглядовъ на различныя явленія военного искусства, обезпечивала бы единство духа во всѣхъ чинахъ арміи и приводила бы къ тому, чтобы всѣ чины арміи не только однообразно думали о томъ или иномъ предметѣ, но чтобы они обладали и единымъ мышленіемъ, т. е. чтобы процессъ мышленія, способъ мыслить у нихъ былъ одинаковъ.

Только при такомъ характерѣ, такомъ значеніи и вліяніи военной доктрины она приведетъ къ тому, что всѣ усилія всѣхъ будутъ направлены къ одной цѣли; только тогда между дѣйствіями всѣхъ будетъ внутренняя связь, дающая единство дѣйствія и единство настроенія, которыя и приведутъ къ побѣдѣ.

При этомъ, однако, доктрина ни въ коемъ случаѣ не должна связывать творчество боевого дѣятеля. Она должна быть только его регуляторомъ, который, впрочемъ, въ различныхъ случаяхъ долженъ дѣйствовать различно: для тѣхъ широта военного кругозора которыхъ, вслѣдствіе ихъ служебнаго положенія, ограничена, этотъ регуляторъ долженъ являться прямымъ непосредственнымъ руководителемъ; для лицъ, занимающихъ среднее положеніе въ служебной іерархіи, онъ долженъ быть вѣхами, опредѣляющими и указывающими правильныя пути; для лицъ же, стоящихъ на самыхъ вершинахъ команднаго состава, для полководцевъ, этотъ регуляторъ долженъ служить только исходными, отправными точками.

Изъ изложеннаго необходимо сдѣлать также выводъ, что различіе въ доктринахъ различныхъ армій вовсе не подрываетъ значеніе доктрины вообще съ точки зрѣнія ея необходимости, ибо это различіе является слѣдствіемъ различнаго, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ, истолкованія принциповъ военного искусства и неодинаковаго ихъ примѣненія, а также различной оцѣнки свойствъ и значенія однихъ и тѣхъ же техническихъ средствъ и различныхъ способовъ ихъ использованія.

И при этомъ, чѣмъ истолкованіе и примѣненіе принциповъ военного искусства правильнѣе, чѣмъ оцѣнка и использованіе техническихъ средствъ болѣе отвѣчаетъ ихъ природѣ, тѣмъ военная до-

крина цѣлесообразнѣе съ точки зрѣнія выполненія ею той роли, въ слѣдствіе которой она сплачиваетъ духовно и интеллектуально данную армію въ одно цѣлое, думающее, чувствующее и дѣйствующее въ полной мѣрѣ единообразно, какъ одинъ человѣкъ, всѣ стремленія котораго направлены къ одной цѣли, проникнуты однимъ величайшимъ напряженіемъ стремленіемъ — побѣдить врага.

V.

Что же должно служить основаніемъ военной доктрины; на чемъ она должна базироваться; каково должно быть ея содержаніе и въ какую, наконецъ, форму она должна выливаться?

Изъ того, что уже изложено раньше, слѣдуетъ само собою, что основаніемъ военной доктрины, какъ одного цѣльнаго, определеннаго ученія о войнѣ какъ единой военной школы, должны служить принципы военнаго искусства, какъ указано было выше, необходимые, постоянные и неизмѣняющіеся въ своей сущности.

Эти принципы въ доктринѣ должны вылиться въ рядъ положеній примѣненныхъ къ современнымъ условіямъ веденія войны и должны быть изложены ясно, точно, определенно и доступно пониманію каждаго, кто обязанъ руководствоваться этими положеніями.

Содержаніемъ военной доктрины въ данномъ выше пониманіи, долженъ быть, вообще говоря, способъ, методъ боевыхъ дѣйствій въ ихъ цѣломъ и приемы дѣйствій въ различныхъ частныхъ случаяхъ, однако, достаточно обобщенныхъ.

При этомъ методъ и приемы боевыхъ дѣйствій должны опредѣлиться въ зависимости отъ свойствъ всѣхъ средствъ для веденія войны, могущихъ быть въ рукахъ полководца. Такими главнѣйшими средствами являются: армія въ ея цѣломъ; отдѣльные роды войскъ, вооруженіе въ самомъ широкомъ смыслѣ; всевозможныя техническія средства боевого характера.

Наконецъ, есть еще одна данная, которая независимо отъ воли человѣка влияетъ на способъ дѣйствій на войнѣ и которая потому также должна быть учтена при созданіи военной, боевой доктрины. Это именно національныя особенности того народа, который образуетъ соответствующую армію.

Эти національныя особенности влияют на способъ военныхъ дѣйствій несма могуществено и потому значеніе ихъ въ этомъ отношеніи громадно; настолько громадно, что если идти имъ въ этомъ случаѣ наперекоръ, то могутъ получиться тѣ же отрицательныя результаты, какъ и тогда, когда были бы нарушены принципы военнаго искусства, или употреблялись бы тѣ или иныя средства борьбы въ противорѣчій съ ихъ свойствами или они вовсе не были бы исползованы въ особенности при наличіи ихъ у противника.

А между тѣмъ, если принципы военнаго искусства и средства веденія вооруженной борьбы одинаковы для всѣхъ, то національныя особенности народовъ, а значитъ и армій въ высшей степени различны.

Вслѣдствіе этого и единая военная школа, военная доктрина,

во всемъ объемъ ея содержания, для каждой національной арміи должна быть своя, различная отъ другихъ.

Такимъ образомъ, чтобы использовать опытъ послѣдней мировой войны для созданія единой военной школы для арміи, чтобы создать отъѣвчающую современнымъ требованіямъ войны боевую доктрину для нея, необходимо установить:

1) Какъ выявилась принципиальная сторона военного искусства въ эту войну, въ какомъ видѣ представляются принципиальныя положенія, вытекающія изъ опыта этой войны.

2) Какія боевыя средства она вывинула, каковы природа и свойства этихъ средствъ и какъ они должны быть использованы.

3) Установить національныя особенности данной арміи и опредѣлить въ какомъ направленіи эти особенности могутъ повліять на способъ боевыхъ дѣйствій, производимыхъ ею.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, слѣдуетъ посмотреть какъ отразился опытъ послѣдней войны на доктринахъ французовъ и нѣмцевъ, побѣдителей и побѣжденныхъ. Не представляетъ интереса въ этомъ отношеніи касаться арміи въ Россіи, ибо идеи, вызывающія существованіе, такъ называемой, красной арміи, ея особенная организація и ея своеобразныя назначеніе и роль приводятъ къ тому, что руководители красной арміи пытаются теперь строить и ея доктрину на началахъ не специально военныхъ, а преимущественно политическихъ, и принимаютъ при этомъ во вниманіе не національныя особенности и не интересы русскаго народа, а требованія интернационализма.

Разсмотрѣніе же вопроса о томъ, насколько повліяла послѣдняя война на измѣненіе французской и нѣмецкой доктрины, представляетъ собою интересъ въ томъ отношеніи, что эти арміи со старыми боевыми традиціями и богатымъ боевымъ опытомъ могутъ служить положительнымъ или отрицательнымъ примѣромъ для тѣхъ армій, которымъ по тѣмъ или инымъ причинамъ приходится вновь создавать свою военную доктрину.

Какъ нѣмецкая, такъ и французская военныя доктрины послѣ войны 1914 — 1918 гг. по существу измѣненія не претерпѣли.

Въ основу нѣмецкой доктрины по прежнему положена мысль, что при рѣшеніи всѣхъ боевыхъ вопросовъ должно исходить исключительно изъ своего желанія, своей воли, принимая рѣшеніе въ зависимости отъ намѣреній и плановъ противника.

Это основное положеніе нѣмецкой доктрины, требующее при выработкѣ своего рѣшенія задаваться вопросомъ „чего я хочу“, прежде всего даетъ свободу выбора направленія удара, а затѣмъ при ясномъ и опредѣленномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ указать, что нужно сдѣлать, какъ и какими средствами пользоваться, чтобы выполнить свое желаніе.

Основа французской доктрины въ настоящее время, по удачному выраженію проф. Келчевскаго, можетъ быть изложена такъ: „посмотрю чего хочетъ противникъ и тогда начну дѣйствовать“.

Такимъ образомъ французы свое рѣшеніе ставятъ въ зависи-

ность отъ воли противника, отъ его желанія, наконецъ, отъ его дѣйствій! При такихъ условіяхъ не можетъ быть свободы въ выборѣ направленія удара, не можетъ быть свободы и въ выборѣ средствъ для нанесенія этого удара.

Французская доктрина, такимъ образомъ, по прежнему крайнѣ неопредѣлена и расплывчата. Ставя принатіе рѣшенія въ зависимость отъ желаній, предположеній и намѣреній противника, она сводится, въ сущности говоря, къ выжиданію съ цѣлью противодѣйствія^{*)}.

Вслѣдствіе этого между прочимъ французы не подчеркиваютъ преимущества наступленія передъ обороной, какъ это они дѣлали даже передъ послѣдней войной.

Предусматривая переходъ въ наступленіе съ цѣлью взять инициативу въ свои руки, французы, однако, считаютъ возможнымъ сдѣлать это лишь только тогда, когда имѣются достаточныя основанія для увѣренности въ успѣхъ.

Впрочемъ, послѣдняя война заставила французовъ въ свою доктрину ввести нѣкоторыя новыя частности, которыя впрочемъ не находятся въ большой гармоніи съ основной мыслью ихъ доктрины.

Такъ, французская доктрина теперь требуетъ широкаго примѣненія внезапности, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія.

Это требованіе внезапности ярко выражено въ инструкціи для старшихъ начальниковъ, изданной въ 1921 г., въ которой говорится:

„Внезапность является однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ успѣха; въ своемъ планѣ маневра начальникъ долженъ стремиться осуществить ее при всякой возможности“.

О томъ, что слѣдуетъ понимать подъ внезапностью и какими способами ее достигнуть, та же инструкція выражается слѣдующимъ образомъ: „Внезапность заключается въ принужденіи непріятеля принять бой въ условіяхъ, не позволяющихъ ему примѣнить съ успѣхомъ ни силу огня, ни силу резервовъ. Въ общихъ чертахъ она достигается соблюденіемъ тайны подготовокъ всякаго рода и производствомъ неожиданныхъ атакъ; молниеносность артиллерійской подготовки, когда обстоятельства тому благоприятствуютъ, также способствуетъ проявленію элемента внезапности. Наконецъ, могутъ явиться полезными предварительныя операціи на извѣстныхъ участкахъ фронта для привлеченія къ нимъ и удержанія на нихъ резервовъ непріятеля съ тѣмъ, чтобы затруднить ему парированіе главнаго удара“.

Несомнѣнно, что принципъ внезапности имѣетъ громадное значеніе и искусное примѣненіе его можетъ повлечь за собою богатѣйшіе результаты. Недаромъ Суворовъ такъ придерживался этого принципа, говоря, что „кто удивилъ, тотъ побѣдилъ“. Но нетрудно видѣть, что по своей природѣ принципъ внезапности, вполнѣ при-

^{*)} Проф. Келчевскій. „Двѣ доктрины“. Война и Миръ № 3.

вильно понимаемыи французами, противорѣчитъ ихъ доктринѣ, по которой всякое дѣйствіе является только лишь противодѣйствіемъ.

Второй частности нынѣшней французской доктрины является требование имѣть въ тактикѣ многочисленные резервы. Поэтому поводу къ инструкціи 1921 года говорится: „современное сраженіе, какъ наступательное, такъ и оборонительное характеризуется своей продолжительностью и быстрымъ изнашиваніемъ войскъ. Продолжительность является производной различныхъ элементовъ, прежде же всего могущества вооруженія и солидности подготовки мѣстности. Изнашивание является результатомъ переживаемыхъ опущеній боя, понесенныхъ потерь, изнуренія. Для поддержанія требуемаго сраженіемъ напряженія, командованіе нуждается, слѣдовательно, въ многочисленныхъ резервахъ, предназначенныхъ какъ для смѣны войскъ, уже введенныхъ въ бой, такъ и для возможности маневрированія“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ французы говорятъ, что „побѣда остается за тѣмъ, кто къ рѣшающему моменту умѣетъ сохранить превосходство резервовъ“.

Со всѣмъ сказаннымъ о резервахъ нельзя не согласиться, за исключеніемъ того, что побѣда остается за тѣмъ, кто сумѣетъ сохранить резервы, такъ какъ, несомнѣнно, побѣда достанется тому, кто используетъ свои резервы въ рѣшительную минуту позже противника, но французы, опредѣляя правильно роль и назначеніе резервовъ и способъ ихъ воспользованія, упускаютъ при этомъ изъ виду, что резервы, если ими пользуются въ зависимости отъ обнаруженія неприятельскихъ намѣреній, могутъ опоздать. А вѣдь по основному требованію французской доктрины главный ударъ долженъ наноситься по направленію и по времени въ зависимости отъ дѣйствій противника.

Наконецъ, нужно указать еще одну подробность французской доктрины, а именно: главнѣйшимъ элементомъ современнаго боя французы ставятъ на первое мѣсто огонь, затѣмъ качество войскъ, подготовку мѣстности и сообщеній и мощность техническихъ средствъ.

По точному выраженію той же инструкціи 1921 года „огонь является преобладающимъ факторомъ боя. Атака — это огонь, наступающій, оборона — огонь задерживающій, останавливающій“.

Командному составу всѣхъ видовъ инструкціей вмѣняется въ обязанность добиться максимальной силы огня путемъ обезпеченія и контролированія точности стрѣльбы, организациі питания и въ особенности посредствомъ координированія огня пѣхоты, артиллеріи и авіаціи. Для болѣе рѣшительнаго значенія точнаго координированія огня, инструкція добавляетъ: „въ сраженіи нельзя требовать достиженія желаемыхъ результатовъ отъ частныхъ свойствъ того или иного рода войскъ: эти результаты достигаются комбинированіемъ всякаго вида огня въ одну стройную систему, руководимую командованіемъ“.

Такимъ образомъ, огневому принципу французы подчиняютъ всю технику сраженія.

Что касается качества войскъ, какъ элемента сраженія, играющаго одну изъ главнѣйшихъ ролей, то французы считаютъ, что это качество зависитъ отъ „степени ихъ обученія, моральныхъ качествъ и болѣе всего отъ достоинства командованія, т. е. команднаго состава и генеральнаго штаба“. По этому поводу французы говорятъ: „Начальникъ крупной единицы утверждаетъ свой авторитетъ надъ подчиненными путемъ внушенія имъ къ себѣ довѣрія, твердостью своего характера, своими профессиональными и моральными достоинствами и развитымъ чувствомъ ответственности.“

Необходимо, чтобы онъ зналъ свои войска и чтобы войска его знали, чтобы онъ видѣлъ ихъ возможно чаще для личнаго ознакомленія съ условіями ихъ матеріальнаго существованія и излюденія за состояніемъ ихъ духа.

Важнѣйшей обязанностью начальника является принятіе рѣшенія.

Кромѣ того, онъ долженъ предвидѣть; его предвидѣнія будутъ тѣмъ шире и дальновиднѣе, чѣмъ выше занимаемое имъ положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, принятое рѣшеніе теряетъ свой нѣтъ и значеніе, если оно является запоздалымъ и если части, долженствующія его выполнить, не будутъ имѣть времени для принятія необходимыхъ мѣръ“.

А между тѣмъ основное положеніе французской доктрины таково, что оно почти неминуемо ведетъ къ опозданію принятія рѣшенія начальникомъ.

Въ общемъ, какъ это было и до войны 1914—1918 г. г. и что уже было отмѣчено, французская доктрина въ силу своей основной сущности должна быть признана менѣе рациональной, чѣмъ нѣмецкая.

Чѣмъ же объясняется, что французы и послѣ великой міровой войны остались при прежней своей военной доктринѣ?

Какъ видно изъ изложеннаго, французская доктрина, вообще говоря, базируется на томъ предположеніи, что полководецъ своевременно опредѣлитъ моментъ принятія окончательнаго рѣшенія. Французскому главнокомандующему Фошу лѣтомъ 1918 г. удалось это сдѣлать: узнавъ заблаговременно о планѣ июльск. наступленія германцевъ, онъ имѣлъ возможность своевременно перейти въ контръ-атаку, которая увѣнчалась успѣхомъ, и привела къ окончательной побѣдѣ.

Какъ уже указано выше, французы даютъ этому слишкомъ распространительное толкованіе, исходя изъ того, что Фошъ какъ будто все время, вплоть до перехода въ контръ-наступленіе, господствовалъ надъ волей противника. Въ дѣйствительности же онъ былъ вынужденъ къ наступленію инициативой противника.

Тѣмъ не менѣе на французовъ это произвело столь сильное впечатлѣніе и поселило въ нихъ столь крѣпкое убѣжденіе въ томъ, что этотъ успѣхъ явился результатомъ слѣдованія ихъ доктринѣ, выработанной ими до послѣдней войны, что они такой способъ войны положили и въ основу своей доктрины, обновленной послѣ войны.

Это, конечно, нисколько не уменьшаетъ нецѣлесообразности французской доктрины и нисколько не дѣлаетъ ее болѣе пріемлемой въ качествѣ образца, заслуживающаго подражанія.

VI.

Обращаясь теперь къ свободному, безъ подражанія кому-либо, использованию опыта послѣдней войны въ цѣляхъ созданія боевой доктрины, въ силу сказаннаго по этому поводу выше, необходимо прежде всего указать тѣ принципиальныя для военнаго искусства положенія, которыя въ связи съ прежнимъ боевымъ опытомъ были выдвинуты и подчеркнуты послѣдней великой мировой войной.

Вотъ эти положенія:

1) Самая лучшая стратегія, какъ и самая лучшая тактика, та, которая наиболѣе сильна во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. численно, технически и по искусству.

2) Для того, чтобы наша стратегія и наша тактика были наибольшими, необходимо: а) группировать наши силы во времени и пространствѣ соответственно относительной важности различныхъ фронтовъ, направленій и участковъ; б) въ результатъ такой группировки сосредотачивать главную массу нашихъ силъ на важнѣйшемъ въ данное время фронтѣ, направленіи и участкѣ, жертвуя для этого всѣмъ побочнымъ, второстепеннымъ.

3) Моральныя данныя имѣютъ первенство надъ матеріальными, — главное орудіе и важнѣйшее средство на войнѣ — человекъ, а не машина; однако, безъ машины человекъ недостаточно силенъ.

4) Духовная мощь человека усиливается широкимъ военнымъ развитіемъ и пониманіемъ военныхъ явленій, умѣнемъ научно мыслить въ сферѣ военныхъ идей и дѣйствій, развитіемъ воли и характера, увѣренностью въ своихъ специальныхъ познаніяхъ. Физическая (матеріальная) мощь человека усиливается знаніемъ всѣхъ техническихъ современныхъ усовершенствованій и умѣнемъ использовать ихъ съ наибольшей выгодой для себя.

5) Ни въ самыхъ крупныхъ, ни въ самыхъ мелкихъ операціяхъ и дѣйствіяхъ не увлекъ тся географическими предметами дѣйствій, а всегда имѣти ближайшей цѣлью непріятельскія войска. Географическіе пункты должны являться предметами дѣйствій лишь тогда и постольку, когда и поскольку захватъ и овладѣніе ими могутъ способствовать удачнымъ дѣйствіямъ противъ живой силы врага.

6) Въ дѣйствіяхъ противъ живой силы врага должно стремиться къ полному ея уничтоженію, чего можно достигнуть или матеріальнымъ ея истребленіемъ, или моральнымъ ея подчиненіемъ нашей воли.

7) Рѣшительные результаты на войнѣ могутъ быть достигнуты только боемъ въ полѣ. Поэтому всѣми мѣрами необходимо стремиться къ такому бою, прилагая всѣ усилія къ тому, чтобы онъ былъ данъ въ невыгоднѣйшихъ для насъ и въ наиболѣе неблагоприятныхъ для противника условіяхъ. Вся дѣятельность на войнѣ должна являться подготовкою къ такому бою, съ другой стороны все, что послѣдуетъ за боемъ будетъ лишь его послѣдствіями.

8) Полевой бой, какъ рѣшительнѣйшее средство стратегіи, можетъ явиться результатомъ лишь маневренной войны, а потому «ничего кромѣ наступательнаго».

9) При необходимости обратиться къ оборонѣ нужно не только отбиваться, но и самому бить, а потому на оборону слѣдуетъ смотрѣть, какъ на временный способъ дѣйствій и при первой возможности переходить въ рѣшительное наступление.

10) При всѣхъ операціяхъ всегда сохранять за собою свободу дѣйствій, для чего господствовать своей волею надъ противникомъ, а не подчиняться его волѣ.

11) Вслѣдствіе этого всегда ставить себѣ опредѣленную цѣль, какъ замысль операціи, независимо отъ воли противника; при выполнении же операціи оцѣнить и учесть всѣ условія обстановки, какъ благопріятствующія намъ, такъ и препятствующія намъ въ достиженіи свободно поставленной себѣ цѣли. Не упускать изъ виду, что изъ всѣхъ данныхъ обстановки важнѣйшей является воля противника, а потому нужно ее сковать и заставить противника дѣлать не то, что онъ хочетъ, а что желаемъ мы. Разъ захваченную инициативу держать все время въ своихъ рукахъ и ни въ какомъ случаѣ никогда не позволять, чтобы инициатива переходила, хотя бы на короткое время, въ руки противника.

12) Операцію и бой вести въ духѣ внутренней ихъ цѣльности, въ духѣ единства дѣйствій, т. е., такъ, чтобы всѣ частныя операціи вытекали бы изъ основной идеи общей операціи, и чтобы всѣ дѣйствія, даже самыхъ мелкихъ частей, являлись бы развитіемъ частныхъ операціи. Ничего не должно дѣлаться только ради самого себя, ради того, чтобы что-нибудь дѣлалось.

13) Каждой операціи должна предшествовать тщательная подготовка во всѣхъ отношеніяхъ, доведенная до степени совершенной зрѣлости, допускаемой обстановкой. Подготовка должна обнимать: а) предварительную разработку операціи, опирающуюся на основную идею, на наши моральныя и матеріальныя силы и средства и на всѣ данныя обстановки (условія мѣста, времени, силы противника и его воли), тщательно изученныя; б) исполнительную часть, — постановку въ каждую данную минуту всѣхъ своихъ средствъ, каждого порознь и всѣхъ въ совокупности, въ наивыгоднѣйшее положеніе для наилучшаго ихъ использованія.

14) Рѣшительный ударъ въ бою долженъ быть всецѣло подготовленъ разрушеніемъ матеріальной силы противника и подавленіемъ его техники въ цѣляхъ довести его до сознанія невозможности оказывать сопротивление нашему натиску.

15) Какъ операція, такъ и бой должны производиться скрытно (въ области подготовки) и внезапно (въ области исполненія), что дѣйствуетъ подавляюще на моральную сторону противника и не позволяетъ ему своевременно использовать всѣ свои матеріальныя средства.

16) Бой необходимо вести съ полнымъ духовнымъ и матеріальнымъ напряженіемъ, крайне энергично, съ порывомъ, настойчиво. Въ наступательномъ бою ни на одну минуту не давать противнику возможности перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, а въ оборонительномъ бою возможно скорѣе заставить противника отказаться отъ активныхъ дѣйствій и перейти къ оборонѣ.

17) Всегда и вездѣ широко пользоваться своими сильными сторонами и не подставлять своихъ слабыхъ сторонъ, а въ то же время не давать противнику проявлять его сильныя стороны и заставлять подставлять его слабыя стороны.

18) Какъ въ цѣлыхъ операціяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ бояхъ всегда дѣйствовать на фланги противника, для чего оперировать нѣсколькими колоннами въ охватывающихъ направленіяхъ. Если не представляется возможнымъ охватить всю массу противника, то стремиться сдѣлать это съ ея отдѣльными частями и при томъ одновременно.

19) Имѣть всегда безопасными свои фланги и тылъ, что обезпечивается уступнымъ расположеніемъ и вполне достигается лучше и скорѣе всего успѣшнымъ боемъ.

20) Забота о безопасности своихъ фланговъ и тыла никоимъ образомъ не должна мѣшать смотрѣть больше впередъ, а не въ стороны и назадъ.

21) Подготовку операціи и боя и ихъ исполненіе необходимо вести такимъ образомъ, чтобы въ полной мѣрѣ возможно было проявить и использовать принципъ взаимной выручки, чувство которой должно быть развито въ каждомъ отдѣльномъ воинѣ и въ цѣлыхъ частяхъ войскъ въ высшей степени.

22) Послѣ успѣшнаго боя самымъ энергичнымъ и настойчивымъ образомъ преслѣдовать разбитаго противника, помня, что разбитъ врага это только половина дѣла и чтобы завершить дѣло вполне, нужно добить его преслѣдованіемъ: „недорубленный дѣсь снова вырастаетъ“.

23) Войска должны быть дѣятельны и дѣйственны, подвижны, настойчивы, смѣлы, упорны, все выполнять энергично, быстро, стремительно, однако, не опрометчиво и не необдуманно. Старое правило о благоразумной осторожности въ подготовкѣ и рѣшительности въ исполненіи остается въ силѣ.

24) Каждому имѣть гражданское мужество, проявлять необходимую и благоразумную инициативу, не спрашивая на все разрѣшенія старшаго начальника, и предоставлять своимъ подчиненнымъ проявлять инициативу въ полной мѣрѣ, поощряя успѣхи и не карая жестоко неудачи, являющіяся результатомъ этой инициативы.

Взглядъ этотъ проводить широко, до самыхъ мелкихъ начальниковъ включительно.

25) Старшимъ начальникамъ не увлекаться мелочами и смотрѣть на дѣло въ цѣломъ, не дѣлая работу другихъ, но и не передавая свою работу никому. Вообще всякому начальнику дѣлать только свое дѣло и не вмѣшиваться въ дѣйствія своихъ подчиненныхъ, пока они не являются абсурдными и не направлены во вредъ общему дѣлу.

26) Никогда не суетиться, быть всегда спокойнымъ, не терять головы, какъ бы положеніе ни казалось бы тяжелымъ, имѣя въ виду, что нѣтъ такого положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти съ честью. Помнить, что если намъ плохо, то противнику можетъ быть еще хуже.

27) Только бодрый духомъ армія можетъ быть сильной, поэтому необходимо всегда и всѣми мѣрами поддерживать духъ арміи на надлежащей высотѣ, но это возможно только тогда, когда армія будетъ вполне обезпечена матеріально.

28) Если обстоятельства приведутъ къ позиціонной войнѣ, то не допускать въ своихъ войскахъ боевой бездѣятельности и постоянно производить развѣдки и поиски болѣе или менѣе крупными партіями, организуя и обставляя ихъ такъ, чтобы они были всегда успѣшными и приводили бы къ захвату плѣнныхъ или хотя бы предметовъ вооруженія и снаряженія противника.

29) По человѣчески обращаться со своими подчиненными, оказывая имъ уваженіе и довѣріе, чтобы сдѣлать изъ нихъ себѣ добровольныхъ сотрудниковъ, а не битраковъ, работающихъ только изъ подлѣ палки, чтобы не развивать въ нихъ страха и не укоренять въ нихъ привычки боязни, а заставлять ихъ во всемъ быть рѣшительными и смѣлыми и не терять способности и воли къ проявленію частнаго почина.

Изложенныя положенія формулированы такъ, какъ будто не принимается во вниманіе продолжительный опытъ позиціонной войны.

Это потому, что позиціонная война, какъ правило, есть естественный способъ веденія войны, а какъ исключеніе является ея частнымъ видомъ.

Поэтому позиціонной войны, какъ правило, нужно всецѣло избѣгать, а какъ частный случай она не можетъ породить какихъ либо особая основныхъ принципиальныхъ положенія.

Слышанная характеристика позиціонной войны нисколько не противорѣчитъ опыту великой мировой войны 1914—1918 гг., хотя послѣдняя въ большей своей части была войной позиціонной. Это вытекаетъ какъ изъ хода боевыхъ дѣйствій во все время войны, такъ изъ причинъ возникновенія позиціонной войны.

Война началась широкими операціями въ полѣ, затѣмъ когда потѣмъ или инымъ причинамъ появились признаки позиціонной войны, то обѣ стороны всѣми мѣрами боролись за возможность сохранить способность въ подвижной войнѣ. Такъ, на примѣръ, весь періодъ времени послѣ сраженія на р. Энъ и до 15 ноября 1914 г., періодъ, содержащій въ себѣ, такъ называемый, „Бѣгъ къ морю“, ярко свидѣтельствуетъ объ этой борьбѣ. Когда же установилась позиціонная война, то опять таки обѣ стороны предпринимаютъ цѣлый рядъ дорого стоящихъ во всѣхъ отношеніяхъ попытокъ къ тому, чтобы сбросить оковы неподвижной позиціонной войны и выйти въ поле для маневренной, подвижной войны.

Громадность усилій, колоссальность жертвъ, крайняя настойчивость въ борьбѣ за маневръ, за подвижность, за дѣйствія въ полѣ, проявленныя противниками на франко-бельгійскомъ, а равно и на русскомъ фронтѣ, говорятъ за жизненность маневренной войны, за то, что именно въ ней заключается и сказывается природа войны вообще, за то, что подвижная война, въ противоположность позиціонной, есть война естественная, война настоящая.

Что же касается причинъ возникновения въ послѣднюю войну позиціонной борьбы, то таковыми явились: способность обороняющагося, благодаря техническимъ средствамъ и, главнымъ образомъ, усовершенствованному оружію, даже съ относительно небольшими силами успешно противодѣйствовать наступающему; быстро установившееся вълѣдствіе этого равновѣсіе силъ на каждомъ опредѣленномъ участкѣ боевого фронта; недостатокъ, вълѣдствіе непредвидѣнно большого расхода, боевыхъ припасовъ, преимущественно артиллерійскихъ снарядовъ, что лишало наступленіе необходимой силы и, наконецъ, и это самое главное, отсутствіе у обоихъ противниковъ талантливыхъ полководцевъ, которые сумѣли бы сосредоточить превосходящія силы въ важнѣйшемъ направленіи для нанесенія удара въ рѣшительный моментъ на рѣшительномъ пунктѣ, т. е. другими словами, которые смогли бы искусно и смѣло провести въ жизнь при создавшейся обстановкѣ одинъ изъ важнѣйшихъ принциповъ военного искусства, — принципъ частной побѣды.

Отмѣченные причины возникновения позиціонной борьбы въ мировую войну 1914—1918 гг. свидѣтельствуютъ о томъ, что позиціонная война вовсе не является вытекающей изъ природы войны вообще, что эти причины безусловно устранимы, но что съ другой стороны современныя боевыя условія сильно способствуютъ возникновенію позиціонной войны.

Въ виду этого нѣтъ оснований считать, что позиціонная война въ будущемъ должна явиться непременно главенствующей по времени и по невозможности вести иную войну; съ другой стороны является несомнѣннымъ, что позиціонной войны въ большомъ масштабѣ по времени и по мѣсту можно избѣгать, что вълѣдствіе ея естественности ее нужно стремиться избѣгать, но что въ то же время нужно, какъ предварительно, такъ и въ продолженіи боевыхъ дѣйствій, принимать мѣры къ тому, чтобы обезвреживать въ опредѣленномъ отношеніи данныя, способствующія возникновенію позиціонной войны и, такимъ образомъ, не создавать условій, неминуемо приводящихъ къ послѣдней.

VII.

Обращаясь ко второй данной, которая является одной изъ трехъ слагаемыхъ каждой военной доктрины въ настоящее время, къ техническимъ средствамъ, выдвинутымъ послѣдней войной, прежде всего нужно остановиться на массовой арміи, которая является важнѣйшимъ изъ такихъ средствъ въ рукахъ полководца, при условіи, конечно, снабженія ея всеми новѣйшими усовершенствованіями.

Массовая армія, обладающая громаднымъ числомъ бойцовъ, никогда раньше не сосредотачиваемыхъ на одномъ театрѣ войны для рѣшенія одной стратегической задачи, какъ показали опытъ мировой войны, оказываетъ слѣдующее влияние на боевыя дѣйствія.

Массовая армія, какъ и арміи прежняго времени въ полной мѣрѣ сохраняютъ подвижность и потому позволяютъ производить широкое и быстрое маневрированіе. Однако, это возможно только при

самомъ широкомъ и тщательномъ использованіи желѣзныхъ дорогъ и автомобилей, что въ свою очередь требуетъ наличности соответствующаго отличнаго аппарата, дѣйствующаго во всѣхъ подробностяхъ крайне систематично и во всѣхъ мелочахъ съ идеальной точностью.

Массовыя арміи требуютъ весьма искуснаго управленія ими, при чемъ это искусство должно привести главнымъ образомъ къ правильному сочетанію твердаго руководства высшаго командованія съ предоставленіемъ частнымъ начальникамъ широкой инициативы.

Дѣйствія массовыми арміями въ связи съ нѣкоторыми другими данными приводятъ къ тому, что въ настоящее время по своему характеру являются преимущественно въ видѣ встрѣчныхъ боевъ безъ заранее намѣченныхъ мѣстъ столкновенія и времени его.

Боевыя столкновенія массовыхъ армій отмѣчаются большой длительностью, что требуетъ большихъ резервовъ, какъ въ стратегіи, такъ и въ тактикѣ, при чемъ эти резервы должны предназначаться не только для усиленія войскъ, ведущихъ бой, и для пополненія въ нихъ убыли, но также и для смѣны ихъ въ случаѣ матеріальнаго и моральнаго ихъ утомленія.

Массовая армія обладаетъ свойствомъ быстро возстановлять боеспособность войскъ, входящихъ въ ея составъ и потерпѣвшихъ неудачи.

Однако, это возможно сдѣлать только при широкомъ и искусномъ использованіи всѣхъ средствъ усовершенствованнаго передвиженія войскъ.

Оперированіе массовыми арміями сильно затрудняетъ вопросъ обезпеченія и снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ, какъ для жизни армій, такъ и для ея боевыхъ дѣйствій.

Массовая армія вслѣдствіе ея большой численности не можетъ быть особенно высокаго качества, какъ въ отношеніи технической подготовки, такъ и моральнаго духа.

Это относится какъ къ массовой арміи, выставленной въ самомъ началѣ войны, такъ и особенно къ тѣмъ, которыя явятся уже впоследствии при замѣнѣ первоначально призванныхъ въ армію или контингентами болѣе старыхъ сроковъ или новобранцами.

Постоянное поддержаніе массовыхъ армій въ соответствующемъ численномъ составѣ въ теченіе продолжительнаго времени требуетъ участія всѣхъ живыхъ силъ народа и потому необходима заблаговременная его организація въ соответствующемъ направленіи. При чемъ эта организація должна предусматривать не только возможность выставленія массовой арміи въ началѣ войны, но и постояннаго ея поддержанія въ составѣ, отмѣчающемъ понятію массовой арміи и даже превышающемъ первоначальную ея численность.

Изъ техническихъ средствъ въ прямомъ значеніи этого слова наибольшее значеніе имѣетъ усовершенствованное оружіе.

Это усовершенствованіе въ послѣднее время развивалось въ четырехъ направленіяхъ:

Во 1-хъ, существовавшіе уже образцы огнестрѣльнаго оружія,

какъ-то: ружье; легкая полевая пушка и пулеметъ были значительно улучшены технически.

Во 2-хъ, появились для войны въ полѣ новыя крайне разнообразныя по роду и по калибру артиллерійскія орудія, какъ-то: тяжелыя полевыя орудія для настільнаго и навѣснаго огня; для разрушенія укрѣпленій съ большого разстоянія; горныя; противъ летчиковъ; пѣхотныя — способныя сопровождать пѣхоту и разрушать прямымъ выстрѣломъ опорныя пункты; окошныя орудія — 37—50 миллиметровыя; кромѣ того: минометы для ближняго навѣснаго огня различныхъ калибровъ (тяжелые, средіе и легкіе); бомбометы; легкіе пулеметы.

Въ 3-хъ, появились новыя артиллерійскіе снаряды, а именно газовыя, дымовыя, а на ряду съ эгивъ въ артиллеріи стали преимущественно пользоваться гранатами, какъ снарядами, производящими большое моральное дѣйствіе и болѣе удобными при обслуживаніи и при изготовленіи.

Сюда же нужно отнести въ высокой степени совершенныя ручныя и ружейныя гранаты, предназначенныя для ближняго огня.

Въ 4-хъ, стали прибѣгать къ новому способу использования огнестрѣльнаго оружія, сосредотачивая его въ громадномъ числѣ, располагая на бронированныхъ желѣзнодорожныхъ поездахъ и автомобиляхъ, танкахъ и на аэропланахъ для стрѣльбы сверху, и въ значительной степени усовершенствовали технику стрѣльбы, что достигнуто было принятіемъ особыхъ приборовъ и приспособленій для прицѣливанія, болѣе совершеннымъ способомъ наблюденія, (сверху по звуковому и свѣтовому способу), пользованіемъ метеорологическихъ станціями для выясненія метеорологическихъ данныхъ, влияющихъ на траекторію, и другими мѣрами.

Все это привело къ страшной силѣ огня на всѣхъ дистанціяхъ какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ.

Возможность же развить такой огонь въ свою очередь имѣеть послѣдствіемъ слѣдующее:

Главными формами маневра являются обходы и охваты. Для выполнения ихъ представляется необходимымъ вести наступленіе широкимъ фронтомъ, а при оборонѣ располагаться въ уступномъ порядкѣ и дѣйствовать крайне активно.

Впрочемъ, и современныя условія огня не исключаютъ возможности обратиться къ прорыву, къ которому необходимо будетъ прибѣгать или при особо благоприятныхъ для этого обстоятельствахъ, или когда совершенно нельзя будетъ по тѣмъ или инымъ причинамъ воспользоваться обходомъ или охватомъ.

Возможность развить сильный огонь придаетъ большую устойчивость, даже небольшимъ частямъ, что способствуетъ съ одной стороны продолжительности боевыхъ столкновеній, а съ другой стороны быстрому возстановленію боеспособности армии, потерѣвшей неудачу.

Сильный огонь, могущій достигнуть одинаковаго напряженія какъ въ оборонѣ, такъ и въ наступленіи, больше, чѣмъ что ибуду-

другое, способствуетъ установленію равновѣсія силъ противниковъ, а потому и является одной изъ основныхъ причинъ, приводящихъ къ позиціонной войнѣ.

Нужно, наконецъ, имѣть въ виду, что сильный огонь, особенно изъ орудій большихъ калибровъ, не только наноситъ пораженіе войскамъ, вырывая изъ его рядовъ многочисленныя жертвы, не только разрушаетъ всякаго рода препятствія, но также взрываетъ мѣстности, дѣлаетъ ее неудобной для движенія войскъ, даже для подачи снарядовъ, чѣмъ и затрудняется въ значительной степени наступленіе.

Изъ другихъ собственно техническихъ средствъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ изъ нихъ, которыя стали впервые употребляться лишь въ великую мировую войну 1914—1918 гг.

Въ свою очередь эти средства могутъ быть раздѣлены на двѣ категории: къ первой относятся тѣ, которыя появились еще до войны, но для военныхъ цѣлей въ широкомъ размѣрѣ были использованы только въ послѣднюю войну и ко второй, тѣ, которыя появились уже во время самой войны.

Къ первымъ относятся автомобили и аэропланы, ко вторымъ — танки и газы.

Автомобилями стали пользоваться уже съ самаго начала войны, имѣя нѣкоторую практику въ этомъ отношеніи, правда практику исключительно почти мирнаго времени. Вслѣдствіе этого, сначала автомобилями пользовались во I-хъ, съ ограниченными цѣлями и во 2-хъ, въ недостаточномъ количествѣ. Съ теченіемъ времени, однако, пользование автомобилями достигло во всѣхъ отношеніяхъ громаднѣхъ размѣровъ. Такъ напр., во французской арміи въ началѣ войны было грузовиковъ всего 600, а въ концѣ войны — 92 т.

Быстрота передвиженія на грузовикахъ при независимости ихъ отъ нѣсколько стѣснительныхъ условій движенія по желѣзнымъ дорогамъ (возможность движенія въ любомъ почти направленіи; возможность двигаться какъ отдѣльными автомобилями, такъ и колоннами различныхъ размѣровъ; отсутствіе необходимости строго и точно согласовать движеніе по времени; возможность пользоваться въ ближайшей сферѣ боевыхъ дѣйствій; большая техническая безопасность движенія), дѣлаетъ выгоднымъ пользованіе ими въ широкихъ размѣрахъ для связи, для доставки снарядовъ (особенно для конницы) и санитарныхъ принадлежностей, для перевозки орудій (тракторы) и раненыхъ и для перевозки войскъ съ различными цѣлями, включительно до подачи резервовъ на поле сраженія.

Въ какой мѣрѣ можно пользоваться автомобилями для перевозки войскъ показываетъ слѣдующій примѣръ:

При прорывѣ итмцевъ въ мѣлѣ — июнь 1918 г. у Суассона французы съ 27 мая по 15 июня перевезли на автомобиляхъ въ районъ прорыва 63 дивизіи, тогда какъ за то же время по желѣзной дорогѣ было перевезено 41 дивизія.

Однако, при пользованіи автомобилями для указанныхъ выше цѣлей, нужно имѣть въ виду, что для своего движенія они все же

требуют хороших дорог и большого количества бензина, кроме того автомобили при неблагоприятных условиях движения, главным образом, при неособенно хороших дорогах, легко портятся, наконец, чтобы использовать автомобили в широких размерах нужно большое число хорошо подготовленных и смелых шоферов.

Авиация, материальной частью которой являются различного рода аэропланы, также была известна до войны, начавшейся в 1914 г. Точно также до этой войны армия имела уже некоторую практику в деле пользования авиацией для военных целей и выступила на войну с определенной организацией авиации.

Правда, материальная часть авиации и в это время была далеко не совершенна, количество аэропланов в различных армиях было невелико, способы использования авиации в деле решения боевых задач не были установлены с достаточной полнотой, наконец, организация авиационных отрядов не вполне соответствовала тем задачам, которые предполагалось на них возлагать.

С течением времени, особенно с установлением позиционной войны, авиация во всех отношениях сильно усовершенствовалась. Это усовершенствование прежде всего коснулось материальной части авиации — аэропланов, которые теперь получили возможность выполнять более сложные технические задания и которые благодаря разнообразию в устройстве подробностей могли быть отлично приспособлены для выполнения различных специальных задач.

В конце концов были сконструированы различного рода аэропланы, которые, благодаря могуществу своих моторов, отличались большой скоростью полета (до 220 км. в час), весьма значительной скоростью подъема (на 2000 метр. в 4,5 м., на 4000 метр. в 13 мин.), способностью подняться на очень большую высоту (до 8000 метр.), и возможностью летать ночью. В то же время аэропланы стали сильно вооружаться пулеметами и даже артиллерийскими орудиями или снабжаться довольно большим числом разной силы бомб для сбрасывания их сверху.

Затем число аппаратов в различных государствах достигло громадных цифр. Так, Франция, имевшая в начале войны 1914—1918 гг. всего 350 аэропланов, к концу этой войны обладала 3500 аппаратов.

Тактическая организация аэропланов также подверглась значительному изменению и в течение войны на ряду с отрядами и эскадрильями, состоявшими из небольшого числа аппаратов, появились крупные авиационные соединения, что дало возможность в связи с техническим устройством аппаратов действовать сразу большим числом последних и вследствие этого задаваться широкими стратегическими и тактическими целями.

Такое развитие во всех отношениях авиации дало возможность использовать ее в широких размерах для следующих стратегических и тактических целей:

Стратегической разведки, распространяемой далеко внутри расположения противника,

Тактической развѣдки для получения свѣдѣній о противникѣ на самомъ фронтѣ и въ ближайшемъ тылу. При этомъ въ маневренной войнѣ такая авіаціонная развѣдка является дополненіемъ къ развѣдкѣ конницей, а въ позиціонной войнѣ она является единственно возможной.

Для фотографирования въ цѣляхъ болѣе детальной тактической развѣдки.

Для корректированія артиллерійской стрѣльбы.

Для бомбардированія: въ глубокомъ тылу большихъ городовъ, промышленныхъ центровъ и желѣзныхъ дорогъ, замѣняя въ дѣлѣ нападенія на тылъ противника бывшіе въ свое время набѣги конницы; въ ближнемъ тылу, особенно во время боя, желѣзныхъ дорогъ, аэродромовъ, складовъ огнестрѣльныхъ припасовъ и на полѣ сраженія войскъ, ведущихъ бой.

Для веденія боя въ воздухѣ въ цѣляхъ получения господства въ воздухѣ, чтобы дать возможность работать своимъ аппаратамъ, противъ непріятельскихъ аэроплановъ и поддержанія этого господства, чтобы охраной сверху обезпечить дѣятельность разнаго рода своихъ аэроплановъ.

Для борьбы съ непріятельскими аэропланами, сбрасывающими бомбы въ цѣляхъ недопустить ихъ до этого.

Для сопровожденія наступающей пѣхоты въ цѣляхъ боевого содѣйствія сбрасываніемъ бомбъ и стрѣльбою пулеметами.

Для поддержанія связи между войсками и различнаго рода штабами во всѣхъ положеніяхъ ихъ, не исключая и боя.

Въ зависимости отъ условій работы аэроплановъ при выполненіи ими указанныхъ выше задачъ были выработаны спеціальныя типы аэроплановъ, имѣющіе тѣ или иные техническія особенности. Такими типами аэроплановъ являются: рабочіе для стратегической развѣдки и для фотографирования, бомбовозы для сбрасыванія бомбъ, боевые для веденія боя въ воздухѣ въ составъ крупныхъ авіаціонныхъ соединеній и истребители для борьбы съ бомбовозами и для прогнанія аппаратовъ, производящихъ фотографированіе.

При пользованіи аэропланами для тѣхъ или другихъ цѣлей необходимо имѣть въ виду тѣ средства, посредствомъ которыхъ можно противодействовать ихъ работѣ; къ такимъ средствамъ относятся: во 1-хъ, соответствующія контръ-дѣйствія аэроплановъ, противной стороны, во 2-хъ, огонь артиллеріи и пулеметовъ, въ 3-хъ, маскировка тѣхъ предметовъ, которые могутъ явиться цѣлью развѣдки противника, въ 4-хъ, примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ ночныхъ передвиженій и въ 5-хъ, разжиженіе боевыхъ порядковъ.

Перечисленныя мѣры въ значительной степени затрудняютъ работу аэроплановъ и чтобы преодолѣть эти затрудненія и извлечь изъ авіаціи наибольшую пользу, каковую она уже доказала на боевомъ опытѣ, въ будущемъ явится необходимость съ одной стороны еще болѣе технически усовершенствовать различныя типы аэроплановъ, а быть можетъ и создать новые, а съ другой стороны выработать болѣе лучшіе способы и приемы пользованія воздушными силами.

Танки появились только во время великой мировой войны и были вызваны къ жизни исключительно условиями позиционной войны.

Трудность наступления для прорыва неприятельскихъ линий заставляла искать средство, которое въ значительной степени увеличивало бы силу наступления, въ общемъ слабаго вслѣдствіе того, что при движеніи войска не могутъ использовать въ полной мѣрѣ свои огневые средства.

Чтобы добиться этого, нужно было атаковать придать видъ продвигающейся по поверхности земли линии обороны. Это было достигнуто созданиемъ штурмующей артиллеріи, боевыхъ повозокъ или, какъ ихъ называли англичане, танковъ.

Танкъ представляетъ собою самодвижущуюся бронированную боевую повозку, снабженную пулеметами или даже небольшими орудіями.

Танки назначаются для содѣйствія наступающей пѣхотѣ въ цѣляхъ уничтоженія сопротивленія и препятствій, которыя послѣдняя можетъ встрѣтить при своемъ движеніи и которыя невозможно или невыгодно преодолевать другими средствами, какъ напр., артиллеріей, располагающейся далеко; требующей для этихъ цѣлей громаднаго расхода снарядовъ и продолжительнаго времени, что исключаетъ примѣненіе внезапности; неспособной уничтожить полностью пулеметы, представляющіе собою главнаго врага пѣхоты.

По занятіи наступающей пѣхотой неприятельской позиціи, танки должны содѣйствовать устройству ея на нихъ и помочь пѣхотѣ организовать узлы сопротивленія.

Въ виду этого на танки возлагается въ связи съ дѣйствіемъ пѣхоты: разрушеніе искусственныхъ препятствій, главнымъ образомъ проволочныхъ загражденій; уничтоженіе пулеметныхъ гнѣздъ; разнаго вида опорныхъ пунктовъ и оборонительныхъ сооружений; очищеніе мѣстности, уже пройденной штурмующими войсками; содѣйствіе по отбитію контръ-атакъ противника; созданіе дымовой завѣсы впереди пѣхоты; поддержка пѣхотной развѣдки.

Хотя танки, вообще говоря, есть орудіе наступательное, но они могутъ примѣняться также и при оборонѣ, однако, лишь при выполненіи контръ-атакъ.

Чтобы танки были въ состояніи выполнить указанная выше задачи, ихъ сконструировали такъ, чтобы они могли: перейти окопъ шириною въ 1,8 м.; опрокидывать свободно стоящія кирпичныя стѣны, толщиною до 0,40 м.; сметать проволочныя загражденія и рогатки; подыматься на откосы съ уклономъ до 45°; преодолевать водоемы съ берегами до 1,80 м. высоты и съ глубиной воды до 0,70 м., имѣли бы скорость движенія около 5 кил.; обладали бы запасомъ воды и горючаго матеріала не менѣе, какъ на 30 кил. пути; имѣли бы достаточное вооруженіе (одинъ-два пулемета и одно 37 м.м. орудіе); были бы покрыты броней въ носовой части толщиною въ 30 м.м., на бортахъ отъ 14 до 16 м.м. на крышѣ 6 м.м.; были бы поворотливы и легко управляемы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ танковъ требуется, чтобы они представляли

собой возможно меньшую цѣль спереди и сбоку, чтобы поперечное сѣченіе ихъ не превышало бы габарита, такъ какъ танки должны часто и много перевозиться по желѣзной дорогѣ и чтобы обшій ихъ вѣсъ не превосходилъ нагрузки, допускаемой нормальными мостами, черезъ которые должна проходить машина.

Для того, чтобы танки при отмѣченныхъ свойствахъ могли бы выполнить возлагаемая на нихъ задачи, необходимо при ихъ употребленіи соблюдать нѣкоторыя условія.

Танки должны употребляться только для достиженія важныхъ цѣлей.

Танки должны маневрировать въ тѣсной связи съ пѣхотой и сражаться въ ея рядахъ, для чего послѣдняя должна быть специально обучена.

Танки должны всегда сопровождаться пѣхотой, куда бы они не пошла.

Если пѣхота при наступленіи встрѣтитъ усилившееся сопротивление непріятеля, то она останавливается и задегаетъ, а танки выдвигаются впередъ для уничтоженія сопротивления.

Мѣстность, захваченную танками, должна принять и затѣмъ удержать пѣхота, наступающая въ сопровожденіи танковъ.

При конгръ-атакахъ пѣхоты съ участіемъ танковъ не должно аарываться слишкомъ впередъ, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ непріятель, не въ состояніи будетъ полностью использовать свои противотанковыя средства и танки въ состояніи будутъ въ полной мѣрѣ оказать пѣхотѣ помощь и матеріальную и моральную.

Примѣненіе танковъ не должно вносить никакого измѣненія въ маханизмъ боя другихъ родовъ войскъ, который долженъ развиваться нормально, какъ съ ними, такъ и безъ нихъ; но артиллерія и авіація должны помогать танкамъ въ цѣляхъ парализовать главнымъ образомъ, непріятельскую развѣдку и дѣйствія артиллеріи противника въ районѣ дѣйствія танковъ.

Для обезпеченія связи танковъ съ частями пѣхоты танковыя единицы должны быть подчинены соответствующимъ пѣхотнымъ начальникамъ. Въ этомъ случаѣ танковые начальники должны являться техническими совѣтниками при начальникахъ частей, выполняющихъ атаку.

Для достиженія благоприятныхъ результатовъ танки должны употребляться одновременно въ большомъ количествѣ и при томъ на широкомъ фронтѣ, чтобы затруднить сосредоточеніе противъ себя огня непріятельской артиллеріи. Наименьшій фронтъ, на которомъ могутъ быть съ выгодой использованы танки — это фронтъ дивизіи, при чемъ танки должны слѣдовать на интервалахъ около 100 метровъ.

Танки должны начинать свою атаку не днемъ, когда точность стрѣльбы непріятельской артиллеріи можетъ быть очень велика, а въ предразсвѣтные часы, съ тѣмъ, чтобы они къ разсвѣту уже оказались на линіи непріятельскихъ батарей.

Съ другой стороны для производительнаго использования танковъ необходимо учитывать неблагоприятныя условия употребленія ихъ.

Лѣсистыя, гористыя, болотистыя и равнинныя, пересѣченныя многочисленными водяными потоками, мѣстности совершенно исключаютъ пользование танками.

Въ мягкомъ грунтѣ танки продвигаются съ трудомъ и могутъ совершенно застрять.

Скорости движенія танковъ въ общемъ не значительная.

Имѣя возможность вести бой самостоятельно въ 2—2½ кило, впереди своей пѣхоты, быть хозяевами мѣстности, отбивать неприятельскія контръ-атаки, танки не могутъ закрѣпить за собою мѣстности, которую они завоевали.

Танки вслѣдствіе сложности и въ виду этого чувствительности своего механизма могутъ работать непрерывно лишь относительно короткій промежутокъ времени, а потому искоръ послѣ своего вступленія въ бой требуютъ замѣны, а потому необходимо имѣть большіе резервы танковъ.

Наконецъ, къ неблагоприятнымъ условиямъ пользования танками необходимо отнести всѣ средства противотанковой обороны.

Наиболѣе естественнымъ противникомъ танковъ являются неприятельскіе танки.

Затѣмъ всякаго рода препятствія, создаваемые на мѣстности инженерными средствами, какъ то: цементныя массы, расположенныя рядами; земледѣльческія орудія, перепутанныя и снязанныя между собою и т. п.

При чемъ эти препятствія располагаются такимъ образомъ, что они образуютъ проходы на заранѣ опредѣленныхъ направленійхъ, находящихся подѣ обстрѣломъ противотанковыхъ орудій или на которыхъ находятся западни, вродѣ широкихъ рвовъ, перекрытыхъ помостомъ, долженствующимъ провалиться подѣ тяжестью танка, или минныя поля, послѣднія, впрочемъ, только въ позиціонной войнѣ.

Однимъ изъ наиболѣе опасныхъ противотанковыхъ средствъ является артиллерія, которая можетъ вести въ данномъ случаѣ стрѣльбу или особымъ броневойнымъ снарядомъ или снарядами газонными. Вообще нужно сказать, что танки очень уязвимы для артиллерійскаго огня, отъ котораго несутъ большія потери, какъ въ личномъ составѣ, такъ и въ матеріальной части. Танки, обнаруженныя въ 3—4 километрахъ отъ противотанковыхъ батарей, имѣющихъ свободу дѣйствій и могущихъ корректировать свою стрѣльбу, обречены почти на вѣрное уничтоженіе.

Впрочемъ, дѣйствіе артиллеріи противъ танковъ становится весьма затруднительнымъ съ того момента, когда танки достигнутъ первыхъ линій, такъ какъ стрѣльба по нимъ въ это время несомнѣнно будетъ поражать и свою пѣхоту.

Наконецъ, средствомъ противъ танковъ является пѣхота, которая стрѣляетъ изъ обыкновеннаго ружья въ щели и соединенія или изъ особаго ружья крупнаго калибра съ броневой пулей или изъ пулемета такого же калибра съ такой же пулей.

Болѣе или менѣе искусное примѣненіе указанныхъ противотанковыхъ средствъ всѣхъ вмѣстѣ или даже порознь приводили къ большимъ потерямъ въ танкахъ у противника.

Въ общемъ, въ каждомъ почти бою танки теряли обыкновенно не менѣе 50% своего состава.

Впервые танки были примѣнены союзниками на франко-бельгійскомъ фронтѣ 15 сентября 1916 г., въ бояхъ на р. Соммѣ. Съ теченіемъ времени пользованіе танками становилось все болѣе и болѣе широкимъ и съ точки зрѣнія числа ихъ, и съ точки зрѣнія способовъ ихъ примѣненія, при чемъ послѣдніе дѣлались все болѣе и болѣе искусными.

Это обстоятельство въ связи съ техническимъ усовершенствованіемъ танковъ и ихъ основными положительными свойствами приводило къ тому, что во многихъ бояхъ они, пользовавшимся ими, приносили существенную пользу. Однако, при умѣломъ примѣненіи противникомъ противотанковыхъ средствъ въ связи съ отрицательными свойствами танковъ и неблагоприятными условіями ихъ употребленія нерѣдко танки не давали успѣха и несли при этомъ громадныя потери.

Такое непостоянство въ результатахъ дѣйствія танковъ въ великую мировую войну привело къ тому, что и въ настоящее время значеніе танковъ оцѣнивается крайне различно. Этому способствуетъ также и то обстоятельство, что боевой опытъ съ танками въ общемъ въ эту войну былъ весьма одностороненъ, такъ какъ онъ былъ произведенъ только въ условіяхъ позиціонной войны.

Въ Италіи танки разсматриваются какъ оружіе второстепеннаго значенія.

Въ Англіи и Бельгіи официальные руководители военнаго дѣла всецѣло стоятъ за танки, но въ литературѣ нерѣдко проводятся взгляды, не придающіе танкамъ первостепеннаго значенія.

Наиболѣе интересными являются взгляды на танки французовъ и нѣмцевъ, тѣмъ болѣе интересными, что эти взгляды совершенно противоположны съ точки зрѣнія оцѣнки боевого значенія танковъ.

Во Франціи высшія военныя сферы, а также почти всѣ безъ исключенія изслѣдователи великой мировой войны вообще и въ частности вопроса о вліяніи того или иного техническаго средства на ходъ военныхъ операцій, всецѣло стоятъ за танки, придавая имъ, если не рѣшающее, то во всякомъ случаѣ первенствующее значеніе.

Французы считаютъ, что танки значительно повліяли на исходъ ихъ борьбы съ нѣмцами въ 1918 г., такъ какъ внезапныя ихъ атаки 8 августа у Армантьера и англійскія атаки въ этотъ же день у Комбре, вызвавшія переломъ въ ходѣ войны, привели къ успѣху только благодаря танкамъ, на содѣйствіе которыхъ французы сознательно рассчитывали, организуя эти атаки.

Въ подтвержденіе справедливости такого своего мнѣнія французы ссылаются на свидѣтельства самихъ нѣмцевъ, а именно на слова майора Ф. Буша, делегата германской главной квартиры, сказанныя имъ въ собраніи лидеровъ партій въ Рейхстагѣ 20 октября 1918 г.,

а также из заявления Людендорфа, сделанное имъ 9 октября 1918 г. канцлеру империи.

Какъ говорятъ французы и майоръ ф. Бушъ и генераль Людендорфъ въ указанныхъ ихъ заявленияхъ признали, что танки являются однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ пораженія нѣмцевъ.

Это въ сущности говоря самый сильный аргументъ французовъ въ вопросъ признанія громаднаго значенія танковъ въ только что закончившейся мировой войнѣ.

Что касается будущаго, то французы придаютъ танкамъ еще большее значеніе, доказывая, что ни одно изъ существующихъ противотанковыхъ средствъ не является дѣйствительнымъ и что въ будущемъ въ виду свойствъ и качествъ танковъ не можетъ быть создано такое средство, которое было бы рѣшающимъ въ дѣлѣ борьбы съ танками.

Нѣмцы не отрицаютъ, что танки сыграли немаловажную роль въ дѣлѣ окончательнаго проигрыша ими войны 1914—1918 гг.

Но возможность той роли, которую въ этомъ отношеніи сыграли танки союзниковъ нѣмцы объясняютъ, во 1-хъ пониженіемъ качества германскихъ войскъ къ лѣту 1918 г., что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ паденія у нихъ дисциплины и что имѣло потому такое большое значеніе, что танки производили большое моральное впечатлѣніе, гораздо большее чѣмъ матеріальное разрушительное дѣйствіе и во 2-хъ, тѣмъ, что высшее германское командованіе своевременно не проявило достаточнаго вниманія къ этому вопросу и потому нѣмецкія арміи въ минуту необходимости не обладали всеми необходимыми для отраженія танковъ средствами, которыя вполне возможно было создать заблаговременно.

Въ силу этихъ причинъ, какъ признаютъ нѣмцы, танки дѣйствительно въ большой степени способствовали Антантѣ достигнуть побѣды, но въ то же время они утверждаютъ, что успѣхъ Антанты нельзя приписать исключительно дѣйствіямъ многочисленныхъ танковъ. И это потому, что „пѣхота союзниковъ, особенно американцы и марроканцы, атакующіе прекрасно и безъ помощи танковъ, помогли Франціи и Англіи въ гораздо большей степени, чѣмъ танки“.

На основаніи этого, а также на основаніи своего собственнаго опыта примѣненія танковъ въ 1917 и 1918 годахъ, нѣмцы весьма отрицательно относятся къ значенію танка въ будущемъ.

Наибольше ярко и опредѣленно это отношеніе проявляется въ слѣдующихъ словахъ одного изъ нѣмецкихъ изслѣдователей этого вопроса:

„Танки въ будущемъ могутъ явиться весьма полезнымъ средствомъ при подавленіи внутреннихъ беспорядковъ въ борьбѣ съ возставшимъ населеніемъ. Въ маневренной же войнѣ ихъ дѣйствія сведутся къ нулю, какъ изъ за громадныхъ обозовъ, такъ и изъ за полной зависимости танковъ отъ рельефа мѣстности, погоды, ограниченности радіуса ихъ дѣйствія и т. п.“

При оттепели и проливныхъ дождяхъ примѣненіе танковъ становится невозможнымъ, они совершенно разрушаютъ дорогу.

— Танки въ минувшую войну могли играть роль лишь при определенныхъ тактическихъ условіяхъ сравнительно ограниченаго театра военныхъ дѣйствій во Франціи. Ихъ роль въ будущемъ несомнѣнно окажется весьма скромной, особенно когда тактика и техника используютъ опытъ минувшей войны. Танкъ явился созданиемъ позиціонной войны и не будетъ играть значительной роли при появленіи соответствующихъ средствъ отраженія. Надо отрешиться отъ предположенія, что танкъ является орудіемъ будущаго. Противъ арміи людей съ непоколебимой стойкостью танки безсильны*.)

Несомнѣнно, что отбывки значенія танковъ въ будущемъ, сдѣланныя французами и немцами, являются крайними и что истина въ этомъ отношеніи лежитъ въ серединѣ.

Конечно, танки являются могущественнымъ вспомогательнымъ средствомъ борьбы, могущимъ во многихъ случаяхъ дать перевѣсъ той сторонѣ, которая искусно используетъ ихъ, но съ другой стороны нельзя отрицать, что уже и въ настоящее время имѣются такіе средства, которыя съ успѣхомъ могутъ бороться съ танками, а въ будущемъ представляется возможнымъ создать еще болѣе дѣйствительныя для этой цѣли средства. Нельзя также упускать изъ виду, что танки — порожденіе позиціонной войны, что по своимъ свойствамъ и способамъ использования уже поэтому они болѣе пригодны въ условіяхъ именно этой войны и что, наконецъ, войска, сохранявшія дисциплину и вообще всѣ высокія моральныя качества, будучи менѣе впечатлительны, легко справятся, особенно при соответствующей организаціи противотанковыхъ средствъ, съ этимъ болѣе страшнымъ по виду нежели дѣйствительно опаснымъ орудіемъ.

Газы, какъ средство борьбы, были использованы впервые также только во время великой міровой войны и тоже лишь въ условіяхъ позиціонной борьбы**).

Широкое пользованіе всякаго рода укрѣпленіями и укрытое расположеніе непріятельской артиллеріи требовали для достиженія рѣшительныхъ результатовъ отъ артиллерійскаго огня израсходованія огромнаго количества огнестрѣльныхъ припасовъ. Но выполненіе этого требованія у немцевъ встрѣтило препятствія съ одной стороны въ относительно медленномъ увеличеніи ихъ артиллеріи, а съ другой стороны въ недостаточномъ количествѣ огнестрѣльныхъ припасовъ, которыхъ въ началѣ войны у всѣхъ воюющихъ было немного и пополненіе которыхъ въ Германіи встрѣчало затрудненія, въ виду большой нужды во взрывчатыхъ составахъ.

Такимъ образомъ, явилась необходимость изобрѣсти такое средство, которое дало бы возможность въ короткое время вывести изъ строя большое количество непріятельскихъ бойцовъ и тѣмъ облегчить атаку своей пѣхоты.

Это и навело на мысль использовать для борьбы съ непріятелемъ особыя химическія соединенія въ видѣ газовъ, вредно дѣйствующіе

*.) Герм. генер. шт. полковникъ Бауеръ, „Танки въ міровой войнѣ“ „Война и миръ“ № 3, стр. 62—63.

**.) Первый разъ газы были применены немцами 22 апрѣля 1915 г. у Ипра.

нихъ на войска противника и дѣлающихъ ихъ небоеспособными, хотя бы на короткій срокъ.

Нѣмцы и стали употреблять различнаго рода газы, изъ которыхъ одни застидали мѣстность туманомъ, другіе дѣйствовали на слизистую оболочку глазъ и ослѣпляли противника, третьи поражали дыхательные пути и органы, четвертые, наконецъ, проникая въ организмъ, вызвали въ немъ тяжелые процессы отравленія или воспаления.

Способъ примѣненія газовъ можетъ быть двойной.

При пользованіи газомъ тяжелѣе воздуха, напр. хлористымъ, его можно выпускать на болѣе или менѣе широкомъ фронтѣ изъ особыхъ цилиндровъ въ сторону непріятеля въ цѣляхъ образованія газовой пелены. Газъ будетъ ползти по направленію вѣтра вдоль земли и вдыхаемый въ большомъ количествѣ можетъ причинить тяжелыя заболѣванія и смерть.

Однако, такое использование газа можетъ быть примѣнено лишь въ томъ случаѣ, если укрѣпившіеся противники расположены очень близко одинъ отъ другого, и если между ними нѣтъ значительныхъ водныхъ пространствъ; кроме того сложнаго приготовленія для такого выпуска газа перевозка цилиндровъ въ большомъ числѣ и установка ихъ въ окопахъ — даетъ возможность противнику заблаговременно принять мѣры; съ другой стороны для такого выпуска газа нуженъ соответствующій по направленію къ противнику вѣтеръ, наконецъ, какъ показала опытъ войны, при выпускѣ газа вѣтеръ можетъ измѣниться на противоположный и тогда отъ газа пострадаютъ собственныя войска.

Ввиду этого необходимо примѣнить другой способъ пользованія газами, при которомъ они переносятся бы въ достаточно большомъ количествѣ въ расположеніе противника на далекое разстояніе, независимо отъ мѣстности между расположеніями противниковъ и направленія вѣтра, и при которомъ не требовалось бы громадныхъ и требующихъ большого времени предварительныхъ подготовленій.

Всего этого можно достигнуть, выбрасывая изъ особыхъ приборовъ — газометовъ — крупнаго калибра бомбы съ газомъ; стрѣляя газовыми снарядами изъ артиллерійскихъ орудій всякаго рода, назначенія и калибра и, наконецъ, сбрасывая газовыя бомбы сверху, съ аэроплановъ.

Газометы позволяютъ бросать бомбы съ значительныхъ разстояній.

Ихъ можно соединять въ довольно большомъ количествѣ въ батареи и приводить въ дѣйствіе посредствомъ электричества одно временно.

При такихъ условіяхъ можно въ очень короткій срокъ достигнуть громадной концентрации газа, что естественно составитъ для противника очень большую опасность.

Сбрасываніе газовыхъ бомбъ съ аэроплановъ въ виду особыхъ условій, въ которыхъ производится эта операція, можетъ примѣняться лишь въ относительно немногихъ случаяхъ, преслѣдуя въ общемъ

ограниченныя задачи. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при благоприятныхъ условіяхъ, особенно при сбрасываніи бомбъ въ тылу противника и этотъ способъ пользованія газами можетъ привести существенную пользу. Такъ напр., при сбрасываніи бомбъ въ районы расположенія различнаго рода штабовъ, затрудняя управленіе; на путяхъ подхода дальнихъ резервовъ и подвоза боевыхъ припасовъ и т. п.

Но самое широкое примѣненіе газовъ, дающее наиболѣе богатые результаты, можетъ быть достигнуто при стрѣльбѣ газовыми снарядами изъ артиллерійскихъ орудій.

Дальнобойность и скорострѣльность орудій, гибкость артиллерійскаго огня, возможность сосредотачивать его на опредѣленныхъ пунктахъ или участкахъ, способность артиллеріи обстрѣливать имъ самыя разнообразныя цѣли, — все это даетъ возможность, пользуясь газовыми снарядами, рѣшать многочисленныя тактическія задачи. А именно: 1) нейтрализовать неприятельскую артиллерію и пѣхоту, 2) ослѣплять неприятельскихъ наблюдателей, 3) останавливать контръ-атаки противника, 4) заставлять войска противника покидать всякаго рода укрытія и убѣжища, 5) очищать мѣстность отъ пѣхоты неприятеля изгнаніемъ ея, 6) запрещать подходъ резервовъ, 7) останавливать подвозъ артиллерійскаго снабженія, 8) устраивать изъ газа передъ фронтомъ своего расположенія препятствіе, трудно преодолимое для наступающаго противника.

Выполненіе всѣхъ этихъ задачъ требуетъ различнаго рода газовъ, которыми снаряжаются артиллерійскіе снаряды.

Будучи различныхъ физиологическихъ свойствъ, какъ то удушливыми, отравляющими, слезоточивыми, вызывающими нарывы и чихательными, газы по своимъ тактическимъ, такъ сказать, свойствамъ дѣлятся на: тяжелые, задерживающіеся и легкіе, летучіе.

Снарядъ съ тяжелымъ газомъ покрываетъ послѣднимъ пространство отъ 5 до 50 кв. метровъ, въ зависимости отъ калибра орудія въ предѣлахъ отъ 75 до 165 миллиметровъ (приблизительно отъ 3 до 6 дюймовъ). Легкій газъ одного снаряда образуетъ облако отъ 20 до 2000 куб. метровъ въ зависимости отъ калибра въ указанныхъ выше предѣлахъ.

Тяжелые газы необходимо употреблять при желаніи достигнуть тѣхъ изъ указанныхъ выше задачъ, которыя или являются подготовительными къ атакѣ, или выливаются въ обстрѣлъ во время самаго боя цѣлей и мѣстъ удаленныхъ отъ атакующихъ войскъ.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ выгоднѣе употреблять летучіе газы.

Опытъ великой мировой войны показалъ, что употребленіе газовыхъ снарядовъ только тогда можетъ принести существенную пользу, когда въ расходъ ихъ не стѣсняются.

Въ великую мировую войну въ періодъ съ 1-го іюля 1915 г. по ноябрь 1918 г. Франція изготовила 17 мил. газовыхъ снарядовъ, Англія — такое же количество, а Германия вдвое больше.

Въ 1918 г. во всѣхъ воюющихъ арміяхъ 50% всѣхъ снарядовъ

были начинены газомъ, а въ сраженіи этого года на Марьѣ у нѣмецъ газовые снаряды составляли 80% всего числа снарядовъ.

Въ будущемъ, несомнѣнно, потребуется газовыхъ снарядовъ втеченіе такого же времени гораздо больше. И это не смотря на то, что Версальскій мирный договоръ и Вашингтонская конференція разоруженія 1922 года запрещаютъ пользованіе газами, ибо врядъ-ли кто либо рѣшится отказаться отъ этого могучаго средства борьбы да еще при условіи неубѣжденности, что другія арміи не будутъ пользоваться имъ.

Къ тому же газы представляютъ собою не болѣе жестокое средство, чѣмъ другія, что видно изъ того, что число пострадавшихъ отъ различныхъ средствъ борьбы во время послѣдней войны выражается въ слѣдующихъ процентахъ по отношенію наличнаго состава войскъ: отъ газовъ — 6%, отъ ружейнаго и пулеметнаго огня — 1% отъ разрывныхъ снарядовъ — 1,5%, отъ шрапнелей — 3%, отъ холоднаго оружія — 0,5%; смертность же отъ газовъ выражается 1,5% всѣхъ пострадавшихъ отъ нихъ, а отъ дѣйствія другихъ средствъ — 30%.

Такъ или иначе, но съ увѣренностью можно сказать, что въ будущихъ войнахъ газами будутъ пользоваться въ очень широкихъ размѣрахъ, гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ это было въ великую мировую войну 1914—1918 гг. и это тѣмъ болѣе, что въ сущности говоря, единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ газовъ пока являются противогазовые маски, при чемъ до сихъ поръ не удалось создать такую маску, которая была бы годна противъ всѣхъ газовъ.

А разъ это такъ, то къ этому нужно готовиться. Чтобы быть въ будущую войну во всеоружіи газовой борьбы необходимо прежде всего широкое развитіе въ странѣ химической промышленности; затѣмъ заблаговременная подготовка выдѣлки газовъ съ военной цѣлью, для чего должна существовать еще въ мирное время соответствующая военная организація; необходимо также, чтобы заблаговременно были выработаны техничeskіе и тактичeskіе способы использованія газовъ и для противодѣйствія имъ; наконецъ, необходимо, чтобы войска въ порядкѣ мирнаго обученія были ознакомлены всесторонне съ газами, какъ средствомъ борьбы и со способами использованія ихъ, а съ другой стороны со всѣми противогазовыми средствами и ихъ примѣненіемъ.

Изъ техническихъ средствъ хорошо извѣстныхъ до великой мировой войны и широко использованныхъ въ другихъ войнахъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе: различнаго рода усовершенствованныя средства связи и желѣзныя дороги.

Въ настоящее время техническими средствами связи, значительно усовершенствованными по сравненію съ прежнимъ, являются: телеграфъ во всѣхъ его разновидностяхъ, радіотелеграфъ, различнаго рода телефоны, автомобили, мотоциклетки, авіаціонныя и воздухоплавательныя средства.

Условія, въ которыхъ протекаютъ современные война и бой, тре-

бують самаго широкаго примѣненія указанныхъ средствъ связи, каждаго въ отдѣльности или нѣсколькихъ въ совокупности.

Безъ нихъ въ настоящее время управленіе войсками на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сраженія было бы невозможно.

Эти средства связи даютъ начальникамъ всѣхъ степеней возможность весьма быстро ориентироваться и передавать свою волю подчиненнымъ имъ частямъ и учрежденіямъ.

Слѣдствие этого представляется возможнымъ, какъ операциі на театрѣ войны, такъ и бой вести болѣе интенсивно, болѣе рѣшительно. Это же требуетъ отъ начальниковъ всѣхъ степеней способности и умѣнія болѣе быстро рѣшаться, а съ другой стороны это даетъ перевѣсъ тому изъ противниковъ, который обладаетъ болѣе энергіей, болѣе подвижностью, болѣе инициативой, у котораго принципъ дѣятельности развитъ сильнѣе.

Однако, боевой опытъ указываетъ и на два крупные недостатка этихъ, въ общемъ въ высшей степени совершенныхъ, средствъ связи: это во-первыхъ, — на легкую порчу ихъ, на ихъ, такъ сказать, хрупкость, и потому возможность, внезапную въ каждую данную минуту, отказа ихъ и во-вторыхъ, на возможность, при содѣйствіи этихъ средствъ связи, особенно телеграфовъ и телефоновъ, съ одной стороны совершенно подавить инициативу частныхъ начальниковъ, а съ другой стороны послѣднимъ совершенно отказаться отъ частнаго почина.

Кромѣ того нѣкоторыя изъ названныхъ средствъ связи, особенно телефоны и радиотелеграфъ, обладаютъ еще однимъ крупнымъ недостаткомъ: они позволяютъ противнику перехватывать всѣ донесенія, сообщенія и распоряженія другой стороны.

Для устраненія перваго изъ указанныхъ недостатковъ необходимо: во первыхъ, примѣненіе спеціально техническихъ приемовъ пользованія ими и во вторыхъ, наличие на ряду съ ними съ одной стороны менѣе сложныхъ техническихъ, а съ другой стороны живыхъ средствъ связи, т. е. другими словами прежнихъ способовъ сношенія, какъ бы они примитивны въ современной обстановкѣ ни казались.

Такими, болѣе простыми средствами связи, являются: свѣтовые сигналы, сирены, звонки, особые агенты связи, конные ординарцы, курьеры, пѣшие посыльные, голуби и собаки.

Въ новомъ американскомъ пѣхотномъ уставѣ категорически требуется, чтобы механическія средства связи непременно дублировались бы живыми средствами въ зависимости отъ обстановки.

Второй изъ указанныхъ недостатковъ возможно устранить только соответствующимъ обученіемъ и еще болѣе воспитаніемъ всего команднаго состава, начиная съ самыхъ высшихъ должностей.

Что касается крупнаго недостатка телефоновъ и телеграфовъ, особенно радиотелеграфовъ, позволяющаго противнику подслушивать и перехватывать всякаго рода наши сообщенія, то этотъ недостатокъ можетъ быть парализованъ: у телефоновъ — примѣненіемъ осо-

быть способъ и приемы проведения ихъ, а у радиотелеграфовъ — употребленіемъ при сношеніяхъ особаго шифра.

Однако, не надо упускать изъ виду, что этотъ недостатокъ можетъ быть использованъ нами съ большой выгодой для себя, такъ какъ, благодаря ему, можно получать свѣдѣнія отъ непріятели путемъ подслушиванія непріяельскихъ разговоровъ и передаваемыхъ имъ извѣстій, а съ другой стороны можно вводить противника въ заблужденіе и тѣмъ скрывать собственныя намѣренія.

Широкое распространеніе желѣзныхъ дорогъ въ послѣднее время, постройка многихъ желѣзнодорожныхъ линій со специально военными цѣлями, возможность быстрой постройки желѣзныхъ дорогъ даже въ тяжелыхъ условіяхъ войны, наконецъ, то обстоятельство, что недостаточность желѣзныхъ дорогъ можетъ быть восполнена автомобилями-грузовиками, — все это приводитъ къ тому, что теперь, хотя и сохраняется зависимость отъ существующей желѣзнодорожной сѣти замысла той или иной стратегической операціи, но все же имѣется болѣе свободы въ установленіи какъ идейной стороны операціи, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія направленія удара и силы его или въ отношеніи отраженія удара, такъ и въ способахъ ея исполненія, особенно, что касается быстроты и рѣшительности удара.

Все это, однако, требуетъ быстро, въ короткій срокъ сосредоточенія въ опредѣленныхъ районахъ громаднаго количества войскъ, что въ свою очередь вызываетъ производство большого числа весьма крупныхъ массовыхъ перевозокъ, могущихъ быть произведенными при крайне напряженной дѣятельности желѣзныхъ дорогъ и при нахожденіи въ каждую данную минуту въ полной исправности всѣхъ элементовъ, обуславливающихъ правильное движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, между тѣмъ какъ элементы эти довольно быстро изнашиваются.

Такимъ образомъ, въ будущемъ успѣхъ военныхъ дѣйствій массовыми арміями будетъ въ значительной степени зависеть не только отъ широко развитой въ стратегическомъ отношеніи желѣзнодорожной сѣти, но также отъ технической подготовки каждой изъ линій этой сѣти къ массовымъ перевозкамъ, отъ согласованности движенія по всѣмъ линіямъ, отъ возможности быстро приводить въ порядокъ тѣмъ или инымъ путемъ все отъ чего зависитъ техническая исправность движенія по желѣзнымъ дорогамъ, отъ правильной организаціи всѣхъ перевозокъ, наконецъ, отъ умѣнія войскъ подвергаться массовымъ перевозкамъ.

При этомъ необходимо помнить, что кромѣ оперативныхъ перевозокъ желѣзныя дороги должны будутъ во время войны производить еще массу другихъ перевозокъ, быть можетъ даже не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ боевымъ дѣйствіямъ. Такъ, напр., въ великую мировую войну французскія желѣзныя дороги совершенно неожиданно для себя должны были перевозить продовольствіе для Швейцаріи и уголь для Италіи; не были предусмотрѣны также во Франціи перевозки желѣзными дорогами сотни тысячъ отпускныхъ.

Во всякомъ случаѣ необходимо считаться съ тѣмъ, что желѣзными дорогамъ во время войны придется работать значительно больше, чѣмъ въ мирное время, подвергаясь вслѣдствіе этого и значительно большей порчѣ.

Во Франціи въ войну 1914—1918 гг. число перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ увеличилось противъ мирнаго времени на 41%, а на нѣкоторыхъ линияхъ даже на 200%. Это повело къ тому, что перевозки стали запаздывать, число больныхъ паровозовъ и вагоновъ значительно увеличилось, а именно, въ 1914 году первыхъ было 11% и вторыхъ 4%, а въ 1918 году — эти цифры соответственно возросли до 18% и 6%.

Чтобы при такихъ условіяхъ избѣжать кризиса въ дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, необходимо будетъ прибѣгать къ помощи быстро строящихся узкоколейныхъ путей и къ перевозкѣ не только грузовъ, но и войскъ на автомобиляхъ — грузовикахъ.

Но вся интенсивная работа желѣзныхъ дорогъ и использование въ полной мѣрѣ всѣхъ вспомогательныхъ средствъ перевозокъ дадутъ надлежащій результатъ только тогда, когда весь командный составъ, вся, можно сказать, армія будетъ проникнута сознаніемъ важности желѣзныхъ дорогъ и возможности благотворной ихъ работы лишь при соблюденіи строго опредѣленныхъ условій, наконецъ, когда еще въ мирное время будетъ создано руководство желѣзными дорогами въ военное время и соответствующимъ образомъ подготовлена организація всѣхъ перевозокъ, которыя только возможно заблаговременно предусмотрѣть.

Французы правильно смотрятъ на военное значеніе желѣзныхъ дорогъ и нельзя не согласиться съ ними, когда они говорятъ:

„Желѣзныя дороги есть одинъ изъ элементовъ плана операций и плана войны — наряду съ численностью арміи, ея вооруженіемъ и запасами. Армія лишняя хорошо организованной и хорошо эксплуатируемой желѣзнодорожной сѣти, находится въ положеніи столь же критическомъ, какъ если бы ей не хватало орудій и снарядовъ.“*)

Къ этому нужно прибавить, что желѣзныя дороги могутъ и должны быть использованы въ тактическихъ цѣляхъ для подвоза на поле сраженія резервовъ и для употребленія бронепоездовъ.

Къ техническимъ средствамъ, могущимъ оказать влияние на характеръ, методы и приемы войны, нужно также причислить и различнаго рода укрѣпленія.

Эти укрѣпленія, построенныя съ примѣненіемъ всѣхъ достижений послѣдняго времени въ военно-инженерномъ искусствѣ, съ одной стороны даютъ возможность въ значительной степени экономить живую силу на второстепенныхъ участкахъ театра войны и поля сраженія съ тѣмъ, чтобы тѣмъ болѣе рѣшительно дѣйствовать на главныхъ направленіяхъ, а съ другой стороны они представляютъ сильно задерживающее средство, которое иногда заставляетъ измѣнить направленіе удара и для преодоленія котораго не-

*) Полковникъ Le Ménaff.

обходимы особые способы атаки вообще и особые приемы для уничтоженія или только разрушенія различныхъ элементовъ укрѣпленія.

Последнія достижения въ военно-инженерномъ искусствѣ даютъ возможность даже въ условіяхъ маневренной войны сооружать весьма сильныя укрѣпленія, которыя въ связи со средствами войскъ, ихъ обороняющихъ, могутъ надолго задержать атакующаго. Однако, въ настоящее время разрушающія средства, которыми можетъ обладать наступающій, все же сильнѣе тѣхъ средствъ, которыя имѣетъ въ своемъ распоряженіи пользующійся укрѣпленіями, какъ силой задерживающей.

VII.

Всѣ техническія усовершенствованія, въ столь широкомъ масштабѣ использованныя въ послѣднюю мировую войну, давъ въ руки войскъ новыя могущественныя средства борьбы, сильно повліяли на методы и приемы дѣйствій различныхъ родовъ войскъ, измѣнили нѣсколько ихъ вооруженіе и характеръ, намѣтили для нихъ до нѣкоторой степени инныя роли и задачи и опредѣлили во многомъ новыя взаимоотношенія между ними.

Несомнѣнно, что съ теченіемъ времени всѣ техническія средства будутъ развиваться и съ точки зрѣнія усовершенствованія ихъ устройства и въ отношеніи искусства и умѣнья ими пользоваться все въ большихъ и большихъ размѣрахъ.

Это же неминуемо должно будетъ привести къ тому, что въ будущихъ войнахъ указанныя выше измѣненія по отношенію отдельныхъ родовъ войскъ и ихъ совокупности будутъ сказываться сильнѣе.

Прежде всего, сильное техническое развитіе авіаціи, способность ея рѣшать разнообразныя стратегическія и тактическія задачи самостоятельными способами, особенности характера ея дѣйствій, значительная матеріальная часть, многочисленный личный составъ, роль ея какъ сильнаго вспомогательнаго средства для всѣхъ другихъ родовъ войскъ — заставляютъ признать въ авіаціи отдельный родъ войскъ наравнѣ съ пѣхотой, конницей, артиллеріей и инженерными войсками.

Благодаря той роли, которую авіація сыграла въ послѣднюю мировую войну и вслѣдствіе того значенія, какое она, несомнѣнно, будетъ имѣть въ будущихъ войнахъ, въ связи съ количественнымъ ея развитіемъ, мысль и признание авіаціи отдельнымъ родомъ войскъ не встрѣчаетъ возраженій и нынѣ этотъ вопросъ можетъ считаться вполне рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ.

На ряду съ этимъ не замѣчается такого единодушія и единомыслія относительно старыхъ родовъ войскъ, которымъ нынѣ дается неодинаковая оцѣнка и которымъ въ будущемъ предудказывается различная роль и различное значеніе.

Сильное развитіе военной техники боевого характера вызвало во Франціи нездоровую мысль, что пѣхоте отжила свой вѣкъ и что она, по существу является второстепеннымъ родомъ войскъ.

Логически развивая эту мысль многие французы приходили къ заключенію о ненужности имѣть въ арміи многочисленную пѣхоту, требующую въ настоящее время при ея большомъ составѣ большихъ средствъ, которыя выгоднѣе расходовать для развитія и усиленія техническихъ средствъ и техническихъ войскъ.

Впрочемъ, и въ самой Франціи такія крайнія мысли относительно пѣхоты встрѣчаютъ серьезныя и убѣдительныя возраженія. Эти противники умаленія значенія пѣхоты въ современномъ бою справедливо указываютъ прежде всего на то, что въ побѣдѣ Франціи въ 1918 г. пальма первенства принадлежитъ пѣхотѣ, что настоящее сраженіе начинается и оканчивается непосредственнымъ дѣйствіемъ пѣхоты, что въ боевыхъ столкновеньяхъ всякаго рода „пѣхота вездѣ и всегда на первомъ планѣ, она ведетъ бой отъ начала и до конца“, что „пѣхота всегда будетъ держать въ своихъ рукахъ участіе сраженія; ея успѣхъ или неудача всегда будутъ успѣхомъ или неудачей цѣлой арміи“, что — „въ сущности цѣна арміи зависитъ отъ цѣнности ея пѣхоты, рода войскъ, выгоняющаго врага изъ его позицій“), что „безъ хорошей и многочисленной пѣхоты невозможны наступательныя операціи, а слѣдовательно и рѣшеніе“, что, наконецъ, „въ будущей войнѣ побѣда достанется тому, кто сумѣетъ сформировать лучшую пѣхоту“).

Нѣмцы, которые всегда придавали первенствующее значеніе моральному элементу, хотя никогда не пренебрегали матеріальной стороной, различными техническими средствами, никогда не становились на путь умаленія значенія пѣхоты, никогда не ограничивали ея роли въ будущихъ войнахъ. „Пѣхота, говоритъ Бертигеръ въ своей „Войнѣ будущаго“, является тѣмъ родомъ войскъ, который дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ при наступленіи, своей атакѣ успѣхъ осязаемымъ, если бы онъ даже былъ вызванъ артиллеріей, а занятіемъ мѣстности или плѣненіемъ противника доводитъ этотъ успѣхъ до практическаго выраженія. Пѣхотѣ же приходится въ сущности и стратегически развивать успѣхъ“.

Въ другомъ мѣстѣ той же книги Бертигеръ по этому поводу выражается еще болѣе опредѣленно: „Бой активный возможенъ только тогда, когда имѣется въ распоряженіи крѣпко сплоченная, тактически хорошо вышколенная, совершенно надежная и хорошо предводимая пѣхота“.

„Окончательный исходъ всякаго боя въ концѣ концовъ рѣшаетъ пѣхота“, таково мнѣніе Людендорфа, высказанное имъ на основаніи опыта всей мировой войны, въ его воспоминаніяхъ.

Тамъ же Людендорфъ съ одобреніемъ приводитъ непотерявшія по его мнѣнію значенія и въ настоящее время слова стараго нѣмецкаго пѣхотнаго устава, въ которомъ говорится, что „пѣхота несетъ главную тяготу боя и приноситъ величайшія жертвы, за что и награждается высочайшей славой“.

*) Генераль Ессенагъ. „Кризисъ пѣхоты“, „Военный сборникъ“ № 3, стр. 212—218.

**) Полковникъ Ненгу.

Гинденбургъ по этому поводу говорить еще болѣе категорически; въ недавней бесѣдѣ съ американскимъ капитаномъ Макъ Магономъ Гинденбургъ между прочимъ сказалъ: „Воздушный флотъ безъ сомнѣнія будетъ имѣть большое значеніе въ грядущихъ войнахъ, но все таки по прежнему пѣхота останется царицей поля битвы. Кавалерія преобразится въ ѣздящую пѣхоту, но какъ и прежде все дѣло будетъ рѣшать пѣхота“.

Неоспоримо, что, несмотря на все большее и большее развитіе техники, первенствующее значеніе на войнѣ будетъ всегда имѣть моральный элементъ, духовная сторона, носителемъ и выразителемъ которой является человекъ, почему послѣдній и составляетъ главное орудіе войны.

Пѣхота есть именно тотъ родъ войскъ, въ которомъ, какъ бы богато онъ ни былъ снабженъ технически, человекъ менѣе зависитъ отъ техники, а потому въ наибольшей мѣрѣ обладаетъ самостоятельностью и независимостью въ дѣйствіяхъ, сохраняя въ то же время наибольшую способность проявлять свою духовную сторону. Уже по одному этому аргументу можно сказать, что пѣхота и въ настоящее время должна играть на войнѣ первенствующую роль и имѣть наибольшее значеніе при военныхъ дѣйствіяхъ. Другими словами, уже по одному этому пѣхота и въ будущихъ войнахъ, какъ и въ прежнихъ, явится главнымъ родомъ войскъ.

Однако, пѣхота должна сохранить свое прежнее первенствующее значеніе не только въ силу данныхъ нравственнаго порядка, но также и по соображеніямъ матеріальнаго характера, которое въ свою очередь властно говоритъ за превалирующую роль пѣхоты въ будущихъ бояхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, только одна пѣхота имѣетъ способность не только изгнать противника изъ опредѣленныхъ пунктовъ или районовъ — это можетъ сдѣлать и артиллерія и авіація — но и удержать за собою эти пункты и районы и этимъ, съ одной стороны, реально выразить положительный результатъ боевыхъ дѣйствій, ихъ успѣхъ, а съ другой стороны, достиженіемъ тактической победы положить прочное основаніе дальнѣйшимъ стратегическимъ операціямъ, создавъ для нихъ благопріятныя условія и подготавливая, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ какой либо другой родъ войскъ окончательную победу надъ врагомъ.

Но если пѣхота, неоспоримо, должна и въ будущихъ войнахъ сохранить свою первенствующую роль и главенствующее значеніе, то все же условія современнаго боя требуютъ нѣкотораго измѣненія, какъ въ ея вооруженіи, такъ и въ способахъ ея дѣйствія.

При все увеличивающемся значеніи огня и пѣхота должна быть снабжена такими средствами, которыя позволили бы ей, особенно, при наступленіи усилить свой огонь. Это можетъ быть достигнуто снабженіемъ пѣхоты значительнымъ числомъ автоматическихъ ружей или легкихъ пулеметовъ.

Наличіе въ пѣхотѣ большого числа легкихъ пулеметовъ приводитъ къ подраздѣленію людей въ каждой ротѣ на двѣ категоріи:

1) обслуживающих пулеметы и 2) прикрывающих их и производящих штыковой ударъ. Это же въ свою очередь заставляет пѣхоту, какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ дѣйствовать отдѣльными болѣе или менѣе крупными группами, ядромъ которыхъ является легкій пулеметъ и въ составъ которыхъ кромѣ прислуги пулеметовъ входитъ нѣкоторое число людей. Эти послѣдніе должны имѣть такое оружіе, которое позволило бы имъ прикрывать пулеметы съ пулеметчиками, обезпечивать себя и производить ударъ.

Такъ какъ въ настоящее время невыгодно да и нѣтъ надобности пѣхотѣ вести огневой бой съ дальнихъ разстояній, то въ специальной литературѣ, особенно французской, встрѣчаются предложенія вооружить пѣхоту автоматическими пистолетами, замѣнивъ штыкъ отсутствующаго ружья ручными гранатами.

Несомнѣнно, что такое рѣшеніе вопроса о вооруженіи пѣхоты представляется нецѣлесообразнымъ, такъ какъ ручныя гранаты, будучи огнестрѣльнымъ оружіемъ, уже по своей природѣ не могутъ замѣнить штыка, который является наиболѣе яркимъ выразителемъ холоднаго оружія со всеми его матеріальными и моральными свойствами, дѣлающими его и технически и идейно оружіемъ наступленія.

Поэтому безъ сомнѣнія и въ будущемъ наилучшимъ вооруженіемъ пѣхоты, богато снабженной легкими пулеметами, явится ружье со штыкомъ.

Если взгляды побѣдителей и побѣжденныхъ на значеніе въ будущихъ войнахъ пѣхоты въ сущности мало отличаются между собой и въ общемъ отводятъ пѣхотѣ почетное мѣсто на полѣ сраженія, то нельзя того же сказать относительно опредѣленія цѣнности конницы, а вслѣдствіе этого и относительно роли этого рода войскъ.

Французы, находясь всецѣло подъ вліяніемъ длиннаго періода позиціонной войны на Франко-Бельгійскомъ фронтѣ, можно сказать, безусловно отказываются отъ конницы въ томъ видѣ, какъ этотъ родъ войскъ понимали раньше.

Новый уставъ французской кавалеріи безъ всякихъ оговорокъ превращаетъ конницу въ вздыщую пѣхоту. По этому уставу лошадь для кавалериста должна служить лишь средствомъ для быстраго перемѣщенія бойцовъ, которые должны сражаться въ пѣшемъ строю, ведя огневой бой. Дѣйствія въ конномъ строю допускаются лишь для мелкихъ соединеній, — не болѣе эскадрона. Обученіе въ сомкнутыхъ строяхъ единиць выше полка признается необходимымъ лишь въ цѣляхъ маневренныхъ — для перемѣщенія на всѣхъ аллюрахъ и на всякой мѣстности.

Спѣшившись, французская конница должна дѣйствовать совершенно какъ пѣхота, для чего, между прочимъ, каждый кавалеристъ долженъ быть отличнымъ стрѣлкомъ и вообще, спѣшившись ни въ чемъ не уступать пѣхотинцу.

Впрочемъ, во французской военной литературѣ встрѣчаются и инныя взгляды на конницу. Такъ, генераль Lavigne Delville утверждаетъ, что опытъ послѣдней всевропейской войны не только не

похоронилъ конницу, какъ родъ войскъ, но наоборотъ подчеркнул ея значеніе въ періодъ подвижныхъ боевыхъ операцій, а генераль Robillo отстаиваетъ необходимость сохранить сильную кавалерію отъ натиска многочисленныхъ противниковъ, стремящихся къ ея сокращенію.

Однако, такіе взгляды на конницу, противорѣчащіе основнымъ положеніямъ устава, высказываются лишь отдѣльными и немногими лицами и голосъ ихъ, мало вліятельный, тонетъ среди многочисленныхъ голосовъ, поддерживающихъ доктрину новаго кавалерійскаго устава.

Совершенно иныхъ взглядовъ на конницу въ будущихъ войнахъ и сраженіяхъ держатся нѣмцы, которые, предусматривая роль и отбывая значеніе конницы, учитываютъ опытъ не только позиціонной войны, но и маневренной, не только боевыхъ дѣйствій на Франко-Бельгійскомъ театрѣ, но также и на Русскомъ фронтѣ.

Нѣмцы считаютъ, что и въ наше время небывалаго развитія техники значеніе конницы, какъ одного изъ главныхъ родовъ войскъ, не уменьшилось.

Бернгарди предостерегаетъ нѣмцевъ отъ замѣны конницы вѣдущей (конной) пѣхотой, видя въ такой замѣнѣ „ошибочную затѣю“. Справедливо полагая, что конница въ послѣднюю всеевропейскую войну не дала ожидаемыхъ отъ нея результатовъ, главнымъ образомъ, потому, что ее примѣняли неправильно, Бернгарди по его словамъ съ тревогою наблюдаетъ за теченіемъ мысли могущей привести къ полному обезцѣненію конницы.

По мнѣнію нѣмцевъ въ будущей маневренной войнѣ конница, въ прежнемъ ея пониманіи, должна будетъ прерывать тыловые сообщенія противника и разстраивать движеніе въ тылу его фронта, выполнять ближнюю развѣдку, нести ординарческую службу и службу донесеній, выполнять реквизиціи, охранять флаги, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ и участвовать въ бою, какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю, послѣднее когда конница противника бросится ей навстрѣчу въ конномъ строю, или когда она сама неожиданно наткнется на дрогнувшія непріятельскія войска или на обозы, идущіе безъ прикрытія.

Вотъ почему германскій уставъ „веденіе и бой всѣхъ родовъ войскъ“ въ общемъ предуказываетъ конницѣ ту же роль, которая ей предназначалась уставомъ, дѣйствовавшимъ до войны 1914—1918 г. Кавалерія у нѣмцевъ, согласно позднѣйшимъ ихъ уставамъ, остается органомъ эксилуатации, прикрытія, маневрированія и боя, въ особенности пригоднымъ для маневра охватыванія и для дѣйствія на флангахъ и въ тылу противника.

Несомнѣнно, что и въ будущемъ маневренная война не только будетъ возможна, но явится преимущественнымъ способомъ веденія вооруженной борьбы. При такихъ условіяхъ представится цѣлый рядъ боевыхъ задачъ, которыя въ состояніи будетъ рѣшить только настоящая конница.

Къ такимъ задачамъ относятся:

а) образованіе завѣсы для прикрытія маршей-маневровъ своей арміи и прорыва такой завѣсы у противника. Та и другая задача при наличии у противника настоящей конницы, не отказавшейся отъ дѣйствій въ конномъ строю, потребуютъ для успѣшнаго своего разрѣшенія также и съ нашей стороны дѣйствій въ конномъ строю, и при неспособности нашей конницы къ такому можетъ поставить армію въ крайне тяжелое положеніе;

б) ближняя развѣдка, — что вытекаетъ изъ того, что и въ настоящее время воздушная развѣдка не въ состояніи быть настолько точной, какъ развѣдка конницы и что ночью и въ сильно закрытой мѣстности воздушная развѣдка вовсе не можетъ быть примѣнена;

в) обезпеченіе своихъ фланговъ и ближайшаго тыла и дѣйствія противъ фланговъ и тыла непріятеля во время боя; требуя крайней активности, быстрого маневрированія и нерѣдко нанесенія сильнаго удара въ кратчайшій срокъ, задачи эти сплошь и рядомъ могутъ быть рѣшены только настоящей конницей и при томъ въ конномъ строю;

г) преслѣдованіе, которое хотя значительно и затруднилось, но не сдѣлалось невозможнымъ; въ подтвержденіе этого достаточно вспомнить преслѣдованіе французской африканской кавалеріей XI германской арміи послѣ прорыва союзниковъ у Доброполе: въ 22 дня французская конница прошла 700 километровъ въ тяжелыхъ условіяхъ мѣстности, — бѣдности путей сообщенія, крайней пересѣченности, раззоренности и т. п.;

д) операціи противъ сообщеній противника и его болѣе или менѣе глубокаго тыла, которыя по самой сущности своей требуютъ хорошей конницы, способной къ дальнимъ и быстрымъ передвиженіямъ, нерѣдко заканчивающимся налетомъ въ конномъ строю;

е) наконецъ, нельзя отрицать, что и въ условіяхъ современнаго боя, въ особенности боя встрѣчнаго и главнымъ образомъ при его началѣ можетъ представиться цѣлый рядъ благоприятныхъ случаевъ для атаки конницей въ конномъ строю, хотя быть можетъ и относительно небольшими частями.

Вслѣдствіе изложеннаго естественно нецѣлесообразно конницу превращать, какъ это сдѣлали французы, въ конную пѣхоту, тѣмъ болѣе, что нельзя не согласиться съ генераломъ Фонъ Позеномъ, который говоритъ, что „конная пѣхота состоитъ изъ плохо вѣдущихъ стрѣлковъ, между тѣмъ какъ современная кавалерія должна состоять изъ прекрасно стрѣляющихъ всадниковъ, посаженныхъ на превосходно выученныхъ лошадей“.

Однако, конечно, широкое примѣненіе въ современныхъ бояхъ различнаго рода техническихъ средствъ требуетъ съ одной стороны снабженія и конницы такимъ же средствами, а съ другой стороны новыхъ способовъ цѣлесообразнаго использованія ея, что въ свою очередь вызываетъ большую сложность обученія конницы и повышаетъ требованія къ ея командному составу съ точки зрѣнія умѣнія использовать ее и умѣнія непосредственно управлять ею.

Такимъ образомъ, теперь конница должна быть въ достаточной мѣрѣ и во всякомъ случаѣ въ большей, чѣмъ прежде, снабжена пулеметами, разнаго рода артиллеріей, бронированными автомобилями, пѣхотными отдѣленіями, большимъ числомъ ружейныхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ, станціями беспроволочнаго телеграфа, аэропланами и даже въ некоторыхъ случаяхъ танками. Бой конницы весьма часто будетъ вестись огнестрѣльнымъ оружіемъ, хотя и съ некоторыми особенностями по сравненію съ боемъ пѣхоты.

Съ другой стороны усиленіе огня и возможность обстрѣливанія сверху требуютъ принятія въ конницѣ такихъ строевъ, которые были бы менѣе уязвимы для огня и могли бы быстро видоизмѣняться.

Опытъ войны 1914—1918 годовъ показалъ значительное увеличеніе значенія артиллерійскаго огня. Это явилось слѣдствіемъ: улучшенія качества артиллерійскихъ орудій; пользованія въ полевой войнѣ орудіями различныхъ и многочисленныхъ видовъ и калибровъ; увеличенія численности артиллеріи; усовершенствованія техники стрѣльбы и организаціи артиллерійскаго управленія; пользованія газовыми снарядами; возможности снабжать артиллерію на полѣ сраженія громаднымъ количествомъ снарядовъ и, наконецъ, правильной постановки тактическаго использованія артиллеріи.

Такимъ образомъ, чтобы и въ будущемъ значеніе артиллеріи не умалаялось и чтобы изъ нея можно было бы въ цѣляхъ успѣха въ бою извлечь всю ту пользу, которую она способна дать, необходимо постоянное наличіе отмѣченныхъ выше условій.

Что касается специальныхъ задачъ, которыя артиллерія должна выполнять въ бою, то онѣ совершенно не измѣнились по сравненію съ прежнимъ, ибо главнѣйшей обязанностью артиллеріи и въ настоящее время является содѣйствіе тѣмъ или инымъ способомъ пѣхотѣ или конницѣ, какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ.

Вслѣдствіе этого и въ принципахъ дѣйствій артиллеріи въ бою также не произошло переизмѣненій и лишь подробности этихъ дѣйствій могутъ подъ вліяніемъ приведенныхъ выше условій такъ или иначе измѣняться въ цѣляхъ достиженія въ болѣе короткій срокъ наилучшихъ результатовъ, установленія болѣе тѣсной связи артиллеріи съ пѣхотой и возможности пользоваться артиллеріей неожиданно для противника, начиная бой внезапно.

Значительно возросшая сила огня, особенно артиллерійскаго; широкое развитіе обстрѣливанія съ воздуха бросаніемъ бомбъ съ аэроплановъ; необходимость пользоваться въ полевыхъ бояхъ орудіями крупныхъ калибровъ, обладающихъ большимъ вѣсомъ, а также разнаго рода самодвижущимися экипажами—мотоциклами, автомобилями и грузовиками,—требующими для своего движенія хорошихъ дорогъ съ прочными переправами; широкое использованіе желѣзныхъ дорогъ, какъ на своей, такъ и на занятой непріятельской территоріи, требующее эксплуатаціи ихъ въ ближайшей сферѣ боевыхъ дѣйствій, быстраго исправленія даже значительныхъ поврежденій, особенно техническихъ, сооруженія желѣзныхъ дорогъ,

а иногда и постройки послѣднихъ; примѣненіе для службы связи разнаго рода техническихъ средствъ, требующихъ для своей установки и для эксплуатаціи специальныхъ познаній, — все это несомнѣнно подняло въ современной войнѣ значеніе инженерныхъ войскъ.

Въ зависимости отъ рода задачъ, которыя могутъ быть возложены на инженерныя войска и въ соотвѣтствіи съ приведенными выше данными, указывающими на средства, которыми пользуются въ современной войнѣ, инженерныя войска по своей специальности должны быть подраздѣлены на четыре группы: саперныя части, имѣющія назначенія строить различнаго рода укрѣпленія для своихъ войскъ и содѣйствовать разрушенію укрѣпленій непріятельскихъ и овладѣнію ими; пионерныя части, на обязанности которыхъ должно лежать проведеніе обыкновенныхъ путей, поддержаніе ихъ въ полной исправности, постройка разнаго рода переправъ, а также въ случаѣ надобности порча и разрушеніе дорогъ и переправъ; желѣзнодорожныя части, которыя должны уметь эксплуатировать желѣзныя дороги, извлекая изъ нихъ максимумъ пользы, а также строить желѣзныя дороги, какъ обыкновеннаго, такъ и облегченнаго типовъ въ кратчайшій срокъ и достаточно прочныя; войска связи, предназначающіяся для установки и эксплуатаціи всякаго рода техническихъ и живыхъ средствъ связи въ самомъ широкомъ масштабѣ и въ наиболѣе тяжелыхъ боевыхъ условіяхъ.

Таковы въ главныхъ чертахъ тѣ относящіяся къ отдѣльнымъ родамъ войскъ общія данныя, которыя должны приниматься во вниманіе при выработкѣ военной доктрины, потому что ими, какъ и различными техническими средствами опредѣляются способы и методы боевыхъ дѣйствій въ настоящее время.

Съ этой точки зрѣнія подлежитъ еще освѣщенію вопросъ о соразмѣрности различныхъ родовъ войскъ въ арміи.

Пѣхота, какъ основной родъ войскъ, играющій въ бою главнѣйшую роль и имѣющій поэтому наибольшее значеніе, должна представлять главную массу арміи.

Тѣ задачи, которыя должна будетъ въ послѣдующихъ боевыхъ столкновѣніяхъ рѣшать конница, вынуждаютъ имѣть ее въ пропорціи по отношенію пѣхоты не меньшей, чѣмъ это было и раньше. Но такъ какъ въ число задачъ конницы могутъ въ современномъ бою входить и такія, которыя потребуютъ при быстромъ перемѣщеніи всадниковъ на большія разстоянія упорнаго огневого боя, то является необходимымъ наличіе въ составѣ арміи вѣдущей или правильнѣе говоря конной пѣхоты. Однако, конная пѣхота не должна быть образована за счетъ настоящей конницы, а ее необходимо сформировать отдѣльно и притомъ не какъ разновидность конницы, а какъ самостоятельный видъ пѣхоты. Блестящій образецъ конной пѣхоты оставилъ Петръ Великій, давъ намъ превосходный примѣръ дѣйствій такой пѣхоты въ операціи 1708 года противъ Левенгаупта и въ сраженіи при деревнѣ Лѣсной 28 іюня того же года.

Значительно возросшее значеніе въ современномъ бою артилле-

ри и разнообразіе специальныхъ задачъ, которыя ей приходится рѣшать, заставляютъ въ настоящее время артиллерию имѣть въ составѣ арміи съ одной стороны въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ это было раньше, а съ другой стороны имѣть полевую артиллерию разнообразную по роду орудій и по калибрамъ.

Значеніе инженерныхъ войскъ во всѣхъ областяхъ ими обслуживаемыхъ, несомнѣнно, въ значительной степени увеличилось. Въ зависимости отъ этого и количество инженерныхъ войскъ въ составѣ арміи должно быть относительно другихъ родовъ войскъ противъ прежняго также увеличено.

Конечно, точно опредѣлить процентное количество въ составѣ арміи того или иного рода войскъ путемъ отвлеченной мысли не представляется возможнымъ. Это количество прежде всего зависитъ отъ общей численности арміи и отъ ея организаціи, какъ въ основахъ, такъ и въ подробностяхъ, на что въ свою очередь оказываютъ сильное вліяніе географическія, политическія и хозяйственно-промышленныя условія.

VIII.

На всякую дѣятельность человѣка, а въ томъ числѣ и на дѣятельность его въ сферѣ военного искусства оказываютъ вліяніе два фактора: во первыхъ, духовная его организація, и во вторыхъ, та обстановка, въ которой приходится ему дѣйствовать.

Духовная организація человѣка складывается: во первыхъ, изъ его личныхъ, индивидуальныхъ особенностей, и во вторыхъ, изъ особенностей, присущихъ не ему одному, а цѣлому народу, къ которому онъ принадлежитъ, особенностей, вырбывавшихся по тѣмъ или инымъ причинамъ въ нѣчто постоянное и составляющее отличительный призывъ опредѣленнаго народа, то, что называется чертами народными или національными.

Что касается обстановки, въ которой приходится дѣйствовать человѣку, то она всецѣло зависитъ отъ того къ какой народности, къ какой національности онъ принадлежитъ, такъ какъ каждая національность живетъ въ опредѣленной и при томъ особой обстановкѣ, складывающейся подъ вліяніемъ постоянныхъ условій — географическаго положенія страны, естественныхъ условій въ ней, ея обширности, бытовыхъ данныхъ, характера процесса жизни и тому под., съ другой стороны, — подъ вліяніемъ условій измѣняющихся — культуры, просвѣщенности, политическаго устройства, какихъ либо политическихъ или социальныхъ потрясеній и т. п.

Въ виду того, что эти особенности обстановки присущи каждому народу, но различны для разныхъ народовъ, онѣ и составляютъ то, что логично называть національной обстановкой.

Такимъ образомъ, ясно, что на боевую работу арміи безусловно оказываютъ вліяніе національныя черты характера народа и національная обстановка, въ которой онъ живетъ. Въ виду этого, несомнѣнно, что при выработкѣ боевой доктрины для той или иной

арміи необходимо считаться съ національными особенностями того народа, изъ котораго составляется данная армія.

Однако, методы и способы боевых дѣйствій не могутъ и не должны всецѣло зависеть отъ національных особенностей даннаго народа, такъ какъ иногда эти послѣднія по своему, такъ сказать, духу могутъ не согласоваться съ природою всѣхъ или нѣкоторыхъ средствъ современной борьбы, употребляемыхъ какъ нами, такъ и нашими противниками.

Вслѣдствіе этого національныя особенности должны быть или эксплуатированы для наиболѣе интенсивнаго использованія того или иного техническаго средства или они, путемъ воспитанія, должны быть настолько нейтрализованы, чтобы не составлять въ данномъ случаѣ помѣхи или быть можетъ даже они должны получить иной характеръ, при которомъ не только не будетъ существовать указанной выше несогласованности, но даже установится возможность воспользоваться ими въ желаемомъ направленіи.

Блестящій примѣръ такого использованія національных особенностей показалъ намъ Суворовъ, который, участвуя въ Семилѣтней войнѣ и подмѣтивъ пассивную стойкость въ бою русскаго человѣка, своимъ воспитаніемъ войскъ обратилъ эту особенность въ активную настойчивость, такъ ярко сказавшуюся и давшую столь богатые результаты въ Екатерининскихъ войнахъ.

Опредѣленіе національных особенностей какого либо народа съ военной точки зрѣнія чрезвычайно затруднительно, въ особенности въ настоящее время, когда событія послѣднихъ лѣтъ заставили почти всѣ народы перенести такія переживанія, которыя не могли не оставить болѣе или менѣе глубокаго слѣда въ ихъ духовной организаціи, отразившись въ значительной степени и на ихъ сознаниіи, и на ихъ чувствахъ и на ихъ психологіи.

Но если это справедливо по отношенію всѣхъ народовъ, то тѣмъ болѣе это вѣрно относительно народа русскаго. Къ тому же сбурораженный вихремъ событій, поставившихъ его въ совершенно новыя во всѣхъ отношеніяхъ условія, русскій народъ еще „не нашелъ себя“, еще не отдалъ себѣ отчета во всемъ происшедшемъ, не разобрался въ новой обстановкѣ, его сознаніе еще не приняло законченныхъ формъ, его чувства еще не опредѣлились, его психологія еще не установилась, умственно и морально онъ еще шатается и выбитый изъ колеи привычной жизненной обстановки и бытового уклада въ связи съ новыми политическими и хозяйственно-экономическими условіями онъ не представляетъ собою въ настоящую минуту народа, въ которомъ вполне опредѣленно и ярко сказывались бы тѣ или иные духовныя особенности, отличающія его отъ другихъ народовъ и могущія вліять въ опредѣленномъ направленіи на методы и способы боевых дѣйствій.

Поэтому, вырабатывая въ настоящую минуту боевую доктрину для нашей арміи и желая при этомъ принять во вниманіе національныя особенности нашего народа, теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь нужно считаться не такъ съ проявляемыми нынѣ его духов-

ными особенностями, какъ съ тѣми пока бездѣйствующими, дремлющими, находящимися въ потенциальномъ состояніи возможностями въ этой области, возможностями, которыя могутъ проявиться въ томъ или иномъ видѣ, принять тотъ или иной характеръ въ зависимости отъ того, чѣмъ они будутъ вызваны, какъ и во имя чего они будутъ направляться.

Сравненіе дѣятельности въ этомъ отношеніи съ одной стороны Петра Великаго, Румянцева, Суворова, Кутузова, Скобелева, а съ другой стороны Стеньки Разина, Пугачева, Ленина наглядно показываютъ, какъ и что можетъ быть достигнуто при воздѣйствіи на кроющіяся въ русскомъ человѣкѣ возможности съ точки зрѣнія активнаго проявленія его духовной природы при дѣятельности въ сферѣ военного искусства.

Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что тѣ условия, въ которыхъ жилъ нашъ народъ въ теченіе многихъ вѣковъ, породивъ нѣкоторую обособленность его отъ остальнаго міра, повлекли за собою установленіе у насъ своеобразной цивилизаци и культуры, характеризующихся высокою духовнымъ настроеніемъ и нѣкоторымъ пренебреженіемъ техникой.

IX.

Чтобы закончить изложеніе мыслей по поводу военной доктрины, необходимо еще остановиться на вопросахъ о формѣ, въ которую должна вылиться боевая доктрина и о тѣхъ средствахъ, посредствомъ которыхъ она можетъ быть распространена въ арміи и усвоена ею, всецѣло проникнувшись ея духомъ.

Формой, въ которую должна вылиться военная доктрина, являются наставленія, инструкціи и уставы.

Основы доктрины должны быть изложены въ наставленіи для старшихъ начальниковъ въ видѣ указаній для боевыхъ дѣйствій крупныхъ войсковыхъ соединеній, какъ это, напримѣръ, сдѣлано во французской „Instruction provisoire sur l'emploi tactique de grandes unités du 6 oct. 1921“.

Затѣмъ, всѣ наставленія для боевыхъ дѣйствій болѣе мелкихъ отрядовъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, а также для боевыхъ дѣйствій каждаго рода войскъ должны основываться на наставленіи для старшихъ начальниковъ и, касаясь болѣе мелкихъ подробностей боевыхъ дѣйствій, должны быть согласованными съ нимъ не только по духу, который долженъ проникать ихъ, какъ говорится, насквозь, но также и въ деталяхъ, какъ техническаго исполненія этихъ дѣйствій при пользованіи всеми вѣличными техническими средствами, насколько все это должно и можетъ явиться содержаніемъ такихъ наставленій и инструкцій.

То же нужно сказать и объ уставахъ, какъ строевыхъ каждаго рода войскъ, такъ и тѣхъ, которые регулируютъ внутреннюю и гарнизонную службы въ арміи.

Только при такихъ условіяхъ можетъ явиться въ арміи единство

военной мысли, только тогда въ арміи можно установить одинаковость взглядовъ на различныя явленія военного искусства, одинаковое ихъ пониманіе, только тогда можно выработать одни и тѣ же методы рѣшенія различныхъ боевыхъ задачъ, одни и тѣ же приемы и способы использованія всевозможныхъ техническихъ средствъ и получить, такимъ образомъ, возможность направлять боевую дѣятельность войсковыхъ массъ къ достиженію опредѣленной цѣли безъ особыхъ треній въ возможно короткій срокъ и безъ особенно большихъ жертвъ.

Но для всего этого, конечно, мало только наличія соответствующихъ наставленій, инструкцій и уставовъ.

Необходимо, чтобы они были обязательны для всѣхъ рѣшительно чиновъ арміи и чтобы требованіямъ, изложеннымъ въ нихъ, прежде всего подчинялся высшій командный составъ безъ права создавать какія либо свои собственныя теоріи, но съ другой стороны и безъ сковыванія его творчества насколько оно должно проявляться въ замыслѣ боевыхъ дѣйствій и въ комбинаціяхъ идейныхъ и матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для рѣшенія той или иной оперативной задачи.

Вся армія должна быть проникнута военной доктриной во всей ея совокупности. Она должна быть не только обучена, но и воспитана въ ея духъ.

И такое обученіе и воспитаніе команднаго состава арміи должно начинаться еще на школьной скамьѣ и затѣмъ продолжаться на службѣ подъ ближайшимъ и непосредственнымъ руководствомъ и воздѣйствіемъ начальниковъ всѣхъ степеней отъ ближайшихъ и до наивысшихъ.

Общее же идейное руководство въ этомъ отношеніи, обязанность распространять въ арміи и выдирать во всю ея массу военную доктрину, давать необходимые разъясненія теоретическаго и практическаго характера по ея поводу, а также научно разрабатывать всѣ вопросы, относящіеся къ военной доктринѣ, — все это должно лежать на центральномъ органѣ генеральнаго штаба, во главѣ котораго надлежитъ стоять начальнику, обладающему соответствующими знаніями, сильной волей, независимымъ характеромъ, большой инициативой и одареннымъ способностями организационно административными, педагогическими и творческими въ области военного искусства.

А. БАЮВЪ.